ДЕЯТЕЛИ КНИГИ

И. А. КРЫЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОЙ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ

МОСКВА 1955

Министерство культуры СССР — Главиздат
ВСЕСОЮЗНАЯ КНИЖНАЯ ПАЛАТА

С. М. БАБИНЦЕВ

И. А. КРЫЛОВ

ОЧЕРК ЕГО ИЗДАТЕЛЬСКОЙ И БИБЛИОТЕЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОЙ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ
Москва 1955

И. А. КРЫЛОВ

Портрет работы О. А. Кипренского

Иван Андреевич Крылов привлекал к себе внимание исследователей главным образом как баснописец и, в меньшей степени, как публицист, драматург и лирик.

Многолетняя просветительская деятельность Крылова на посту библиотекаря Публичной библиотеки в Петербурге долгое время не изучалась и оставалась неизвестной широкому кругу читателей.

Биографы Крылова часто ограничивались простым упоминанием об этой деятельности или приводили такие сведения, которые, по существу, заключали в себе отрицание всякого значения тридцатилетней работы великого баснописца в Публичной библиотеке и создавали у читателя представление о нем, как о нерадивом чиновнике и ленивце, приходившем на службу, чтобы подремать на диване.

В этой связи следует прежде всего указать на биографию Крылова, составленную П. А. Плетневым. Впервые напечатанная в 1847 году, эта биография (неоднократно переиздававшаяся), была наиболее полной и широко распространенной в дореволюционной России.

Рассказывая в ней о службе Крылова в Публичной библиотеке и... о диване, на котором он якобы проводил свои дежурства, П. А. Плетнев в заключении сообщал:

«Нельзя однако-же сказать, чтобы он не озабочивался иногда и хлопотами по обязанностям службы. Для удобнейшего размещения по безостановочной выдаче брошюр, которых в Русском отделении в новейшее время оказалось гораздо более, нежели книг, Крылов придумал футляры в форме толстых книг и разложил в них по авторам летучие изделия книжной промышленности. Особен-

но начал хлопотать он по своей должности, когда определился к нему в помощники барон Дельвиг, столь-же беспечный чиновник, сколько был он и беспечным поэтом. Крылов скоро догадался, что прошли для него счастливые годы, какими он был обязан смышленности и трудолюбию Сопикова. Это однако же не довело до ссоры двух поэтов, равно ленивых, но равно и уважавших друг в друге истинное дарование. По возможности они кое-как несли вместе общее бремя»[1].

Легенда о ленивом библиотекаре, получившая широкое распространение в 19 столетии, перешла в 20 век.

В. В. Каллаш, немало изучавший жизнь и творчество баснописца, в своем очерке, напечатанном в 1904 году в собрании сочинений И. А. Крылова, характеризуя его как библиотекаря, кратко сказал: «В Публичной библиотеке он почти ничего не делал»[2].

Совсем недавно, в 1945 году «Молодой гвардией» издана книга И. В. Сергеева — «Иван Андреевич Крылов», в которой уделено некоторое внимание и библиотечным занятиям писателя.

...«Служба, — пишет Сергеев, — отнимала у Ивана Андреевича много времени, но мало энергии, и он мог свободно заниматься чтением и работой над новыми баснями». Далее дается знакомый по литературе 19 века образ Крылова «с его небрежной манерой одеваться, ходить развалисто, жить беспечно, превращая ночь в день и днем засыпать на службе сном праведника»...

...«Библиотека, — указывает автор, — стала для него местом отдохновения: он приходил на службу, укладывался на диване с книжкой в руках и был недоволен, если его отрывали от чтения»[3].

Так, до последнего времени, освещалась деятельность И. А. Крылова в Публичной библиотеке.

---

[1] Полное собр. сочинений И. А. Крылова, т. 1, Спб., 1847, стр. LXIV.

[2] Полное собр. сочинений И. А. Крылова, т. 1. Спб. 1904. стр. LXII—LXIV

[3] Сергеев Иван. Иван Андреевич Крылов. М., «Мол. гвардия», 1945, стр. 147, 153, 188.

Немногим лучше положение с освещением его издательской деятельности. Правда, в статьях на эту тему нет серьезных ошибок и искажений. Но из немногих напечатанных работ о Крылове-издателе мы можем узнать только то, что в конце 18 в. он издавал три журнала и что «типография Крылова с товарищи» в Петербурге выпустила несколько книг.

Чем объяснить неудовлетворительное освещение библиотечной и издательской деятельности Крылова и допущенные прямые искажения и ошибки?

Надо полагать, что это произошло вследствие того, что биографы и исследователи не обращались к архивным источникам, не проверяли документально воспоминаний современников.

Настоящий очерк является попыткой на основе неизвестных архивных данных воссоздать подлинный объем и характер просветительской деятельности И. А. Крылова, как книгоиздателя и библиотекаря[1].

---

[1] В Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде, в отделах рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, а также в архиве последней библиотеки хранятся ценнейшие материалы: многочисленные автографы самого писателя, переписка его современников, официальные документы цензурного комитета и других учреждений.

I

С детских лет Крылов пристрастился к чтению, полюбил книгу и знания. Он самостоятельно изучает французский и немецкий языки, знакомится с русской литературой, переводит басни Лафонтена, в начале 1780-х годов пишет свое первое художественное произведение — антикрепостническую комическую оперу «Кофейница». В те же годы Крылов переезжает из Твери в Петербург. Здесь начинается его служба в различных учреждениях и постепенно развивается его творческая деятельность. Он пишет пьесы: «Клеопатра», «Филомела», «Бешеная семья», «Сочинитель в прихожей», «Проказники», публикует в журнале И. Г. Рахманинова «Утренние часы» свои первые эпиграммы и басни.

Вольнодумец, поклонник Вольтера, Рахманинов несомненно сыграл положительную роль в идейном развитии Крылова. В типографии Рахманинова Крылов печатает свое блестящее, остро сатирическое произведение — «Почту духов». Мы не имеем документальных или мемуарных данных, позволяющих утверждать, что молодой Крылов был знаком и близок с Радищевым или был членом «Общества друзей словесных наук», в котором состоял Радищев, но в «Почте духов» мы находим отражение радищевских взглядов на самодержавие и крепостничество и ясно выраженную антидворянскую направленность произведения.

Так во втором письме «Почты духов» рассмотрены несчастия, присущие людям, «в каком-бы состоянии (они) ни были». Рассмотрение начинается с государя. Оказы-

вается: «таковой государь, который, будучи окружен блистательным двором своим, единственно предается без всякой умеренности различным забавам, оставляя своим министрам все попечение о своем государстве, может-ли быть счастлив? Равным образом и тот, который для удовольствования непомерного своего честолюбия разоряет свое государство и приводит в крайнюю погибель своих подданных, не может назваться благополучным».

В 20-м письме мы читаем знаменательные строки: «львы и тигры менее причиняли вреда людям, нежели некоторые государи и их министры». И затем следует описание государей-тиранов, повергавших целые государства в «бездну злополучия», губящих «миллион подобных себе людей для удовлетворения своих пристрастий».

В «Почте духов» в ряде писем Крылов резко отрицательно характеризует дворян-крепостников и рисует ужасное положение крестьянства.

В письме 39-м рассказывается об одном помещике, который «преобращает свой хлеб и своих крестьян в модные товары», у которого «лучшие люди отнимаются с полей (на поле оставляются только старые и малолетние), меняются на разные безделки...» В гневном протестующем тоне описывается крестьянская доля в 20-м письме: «Смерть воина, сраженного во время битвы скоропостижным ударом, не столь мучительна, как смерть бедного земледельца, который истаевает под бременем тяжкой работы и который, истощив все свои силы для удобрения земель, видит поля, обещающие вознаградить его обильною жатвою, расхищаемые корыстолюбивым государем... Тщетно бедные подданные стараются скрыть малые остатки своего стяжания от жадности корыстолюбивого государя; определяемые от него надзиратели, сборщики и поставщики пробегают беспрестанно города и селения, и сии ненасытные пиявицы высасывают кровь у бедного народа даже до последней капли».

Неоднократно Крылов подчеркивает в «Почте духов» моральное превосходство земледельцев перед вельможами. «И самый низкий хлебопашец,—пишет Крылов в 24-м

письме, — исполняющий рачительно должности своего состояния, более заслуживает быть назван честным человеком, нежели гордый вельможа и несмысленный судья». В 37-м письме он утверждает: «Мещанин, добродетельный и честный крестьянин, преисполненные добросердечием, для меня во сто раз драгоценнее дворянина, счисляющего в своем роде до 30 дворянских колен, но не имеющего никаких достоинств, кроме того счастия, что родился от благородных родителей, которые также, может быть, не более его принесли пользы своему отечеству, как только умножили число бесплодных ветвей своего родословного дерева».

В период работы над «Почтой духов» Крылов сближается с передовыми представителями русского театра И. А. Дмитревским и П. А. Плавильщиковым и с писателем А. И. Клушиным. После того, как И. Г. Рахманинов вынужден был прекратить свою издательскую деятельность в Петербурге, Крылов создает совместно с ними новое издательство, получившее наименование «Типография Крылова с товарищи».

И. П. Быстров, помощник Крылова по его работе в Публичной библиотеке, в газете «Северная пчела», опубликовал точные сведения о типографии. В его статье мы читаем следующее: «Однажды И. А. вздумалось иметь свою типографию. Это было в декабре 1791 года. В предприятии И. А. приняли участие — Иван Афанасьевич Дмитревский, Александр Иванович Клушин, Петр Алексеевич Плавильщиков. Составленный ими по сему случаю акт сохранился подлинником у А. Ф. Смирдина и заключает в себе условия, на основании коих должно было осуществиться это предприятие Крылова. Вот этот акт от слова до слова:

— Законы, на которых основано заведение типографии и книжной лавки.

1. Для заведения типографии положить по равной части тысячу рублей.

2. Два года в типографии членам не делать никакого раздела, а каждый должен стараться, по возможности, исполнять все то, что может относиться к должности фактора, корректора и тому подобных, и все таковые труды

разделить между собою, и если бы случилось кому что сделать и за другого в том никакого расчета не делать, ибо сие общество основывается на законах истинного дружества.

3. При сей типографии иметь лавку, на основании городского права.

4. Все то, что будет печатано на счет общества, продавать в ней; из вырученных денег заплатить лавка должна во-первых, деньги типографии, из чего явственно, что выйдет два капитала, один другого подкрепляющие, коим вести особую верную записку. По выплачении же денег типографии лавка может, наблюдая свою, то есть общественную пользу для обогащения реестра книг, делать вымены, при коих как выгоды, так и убытки должны быть общие.

5. Все то, что в лавке будет, с каждого рубля по продаже высчитать по двадцати копеек с рубля: половину сидельцу, и другую на подкрепление лавки; типографии же до сих процентов дела нет.

6. Каждый член обязан свое сочинение печатать не инде где, как в сей типографии, заплатя ту же самую плату, какая обыкновенно во всех типографиях берется с посторонних, и продавать в сей же лавке, и с тою же заплатою двадцати процентов с рубля, выключая сочинения, кои отвергнутся большинством голосов.

7. Если же общество заблагоразсудит уменьшить цену в типографии для привлечения посторонней работы, то и члены тем же правом пользуются.

8. Квартира для типографии и лавки должна быть нанята на общий счет типографии и лавки; члены, живущие там, пользуясь квартирою, больше и заняты присмотром и ведением книг по типографии; записка же лавки должна вестись сидельцем.

9. Типографию обще считать каждый месяц, а лавку два раза в год.

10. Если же кто из членов, не прежде однако двух лет, захочет выбыть из общества, то должен уведомить за год и, следовательно, не прежде отходит совершенно, как по трех годах от заведения, часть его по типографии должна быть отделена и выплачена деньгами, в каком

она будет состоянии, во время отдела по вычете всех расходов, а по лавке часть его должна быть выдана при наличности денег деньгами, а из товара товаром.

11. Все, что общество для пользы своей намерено предпринять, и на что трое согласны, на то четвертый должен быть непременно согласен.

12. Если же один член должен будет отъехать, на время его отсутствия, остальные члены берут его часть в опеку; доход его отдают тому, кому он прикажет, удерживая на подкрепление заведения десятую часть; если же кто из членов представит на место свое кого-либо, то сие не иначе быть может, как по согласию остальных, и тогда уже представленный входит во все права истинного члена, до возвращения представившего или навсегда.

13. Если кто из членов, напечатав свою книгу и выплатя все, что типографии и лавке следует, захочет достальные экземпляры взять, дабы продать вдруг посторонним по цене самой низкой, в таком случае он должен преимущественно с согласия общества уступить их за сию цену обществу, которое, находя в том пользу, поступает по четвертому пункту.

14. Как теперь много предвидеть нельзя, то время и обстоятельство что в пользу вразумить переменить или прибавить, имеет силу, равную сим законам.

Декабря 8-го дня 1791 года.

Утверждаю и подписуюсь, Иван Афанасьевич Дмитревский.

Утверждаю и подписуюсь, Иван Андреев сын Крылов.

Утверждаю и подписуюсь, Александр Иванов сын Клушин.

Утверждаю и подписуюсь Петр Алексеев сын Плавильщиков»[1].

Этот акт издательского товарищества представляет собою чрезвычайно интересный и важный документ в том отношении, что он является договором писателей, задумавших самостоятельно заняться издательской деятельностью без профессиональных типографщиков, путем коллективного ведения всех дел «на основе законов истинного дружества».

---

[1] «Сев. Пчела», 1847, № 289 от 22 дек.

Издательская деятельность Крылова в 90-е годы XVIII века характеризуется продолжением сатирической линии, начатой «Почтой духов». Правда, внешние условия — усилившийся правительственный надзор за типографиями, арест и ссылка Радищева, заключение в крепость Новикова — не позволяли с прежней решительностью разоблачать общественные язвы, но Крылов и в этих условиях поднимается еще до таких остро-сатирических обобщений, как восточная повесть «Каиб» и «Похвальная речь в память моему дедушке».

Мы можем с полным правом отметить, что как «Почта духов», так и «Зритель» и «С.-Петербургский Меркурий» продолжали славную традицию сатирических журналов 1769 — 1774 годов.

Остановимся на внешней истории крыловских журналов 90-х годов и рассмотрим их общее содержание.

Первые сведения о новом журнале «Зритель» появились в «С.-Петербургских ведомостях». В № 20 от 9 марта 1792 года было напечатано следующее объявление: «В Санктпетербурге в типографии Крылова с товарищи, в новом его высокопревосходительства Ивана Ивановича Бецкого доме, что у Летнего сада, выходит ежемесячное издание под названием Зритель; в нем помещаются как сатирические, критические, так и стихотворные сочинения, подражания и переводы. Началось сие издание с февраля сего 1792 года. Каждый месяц составит 5 печатных листов и февраль уже отпечатан. Особы, желающие подписаться на сие издание, благоволят присылать за 11 месяцев на белой бумаге по 6 р., на простой по 5 р., в бум. переп.; с пересылкою же в другие российские города на белой по 8 р., а на простой по 7 р., где с первым месяцем получат и билеты и каждый месяц непременно выдаваться будет в первое число по истечении оного. Порознь продаваться будет месяц без переп. на бел. бум. по 60 коп., на простой по 50 к. Если же кто заблаго рассудит удостоить сие издание присылкою своего сочинения, то оное помещено будет с благодарностию».

Следующие аналогичные объявления помещались в «С.-Петербургских ведомостях»: в № 44 от 1 июня —

о выходе из печати всей первой части «Зрителя»; в № 74 от 14 сентября — о выходе августовского номера журнала «чем кончилась вторая часть оного»; в № 81 от 8 октября — о выходе сентябрьского номера, причем в объявлении было отмечено, что «по непредвиденным обстоятельствам сей месяц вышел позже пятью днями». В дальнейшем объявлений о «Зрителе» не публиковалось. Всего вышло 11 номеров журнала с февраля по декабрь, причем очередной номер выпускался в первой половине следующего месяца.

В первом номере журнала было помещено «Введение», которое освещает позиции издателей:

«Один или многие будут издавать «Зрителя», о том, кажется, нет нужды уведомлять благосклонного читателя. Пускай представляют человека, который любопытным взором смотрит на все и делает свои примечания: сей-то воображаемый зритель позволяет себе, выбрав из самой природы, образовать разные свойства по своему рассуждению, не дерзая ни мало касаться личности; подобно как живописец, желая написать на своей картине различные страсти, рисует человека во всех правилах естества, но ничьего прямо лица не изображает»[1].

Это была программа реалистического изображения типичных героев, взятых «из самой природы». На страницах «Зрителя» систематически поднимались Крыловым и другими авторами (П. А. Плавильщиковым и А. И. Клушиным) вопросы просвещения, воспитания и борьбы с низкопоклонством перед иностранцами.

Первый номер «Зрителя» открылся знаменательной статьей П. А. Плавильщикова: «Нечто о врожденном свойстве душ российских»[2]. Вступлением к этой статье служило обращение автора «К самому себе». Оно заканчивалось следующими строками:

«Из театра поехал я ужинать к приятелю моему: там было много молодых людей и несколько чужестранцев; речь зашла о том, что есть национальный характер. Эта речь латиногреческая и все меня уверяли, что ее по-рус-

---

[1] «Зритель», 1792, февр., стр. 3.

[2] «Зритель», 1792, февр., стр. 9-26, апр., стр. 163-181.

ски выразить нельзя. Но не о том слово... Все начали говорить о врожденном свойстве Россиян. Говорили много и, наконец, утвердились на мнении одного весьма скороговорящего француза, что у нас нет собственного свойства, и что мы не что иное, как обезьяны, способные только перенимать...

Боже мой! Я видел и слышал, что все тут бывшие молодые вертопрахи не только согласились, но еще благодарили француза, как будто за открытие какой алхимической тайны... Не мог я вытерпеть сего постыдного разговора. Ушел домой и вознамерился написать: «Нечто о врожденном свойстве душ российских».

Автор рассказывает о мужестве и героизме русского человека, отмечает его честность, радушие, скромность. «Кто ужаснее Россиянина в сражении и кто милосерднее его к побежденному? — спрашивает автор и в конце статьи заключает: — русских можно побить иногда, но победить никогда... Россияне не есть народ воинствующий, но народ побеждающий...». Автор с гордостью указывает, что «нет народа, которому уступили бы мы в делах славных и нет народа, который бы менее нас разглашал о делах своих». Но русские еще и по-своему понимают, что такое «славные дела»: «Россияне ищут добродетелей великих, а обыкновенные добродетели почитают только долгом».

Опровергая вздорные измышления о том, что русский народ не создал и не сможет создать своей культуры и самобытного искусства, Плавильщиков писал:

«Древность истории нашей, грамоты мира и заключения союзов доказывают неоспоримо, что у нас были писаные законы, ученость имела свою степень возвышения, и даже во дни Ярослава сына Владимирова были стихотворные поэмы в честь ему и детям его. Хотя варварское нашествие татар, поработя Россию, разрушило все, существуют еще сии драгоценные остатки и поныне в книгохранилищах охотников до редкостей древности отечественной и может быть Россия вскоре их увидит: есть еще любители своего отечества, которые не щадят ничего, дабы собрать сии сокровища. Все читают Ярославову Правду; все читают заключенные мирные договоры Олега

и последователей его с императорами греческими. История Александра Великого во многих местах говорит о скифах славянах и даже их речи помещает Курций... Было письмо, следовательно, было и просвещение...»

«Не знающие отличить глагола **понимать** от **перенимать** дерзают приписывать россиянам действие последнее.

Но какая разность между ими!

Перенимать значит тоже самое делать, что видишь в том, кому следуешь. В сем действии мысль не объемлет самого существа дела, а схватывает одну только поверхность и тогда человек бывает слепой только подражатель.

Понимать — значит проникать мыслями во внутренность дела, доходить до основания и ясно постигнуть умом его существо. В таком случае человек сам бывает творец и может превзойти своего учителя. И вот в чем большая часть иностранных учителей при воспитании российских птенцов упражняется. Все их стремления в том, чтоб юноша никак далее перенимания и подражания не простирался в своем просвещении...»

Статья «Нечто о врожденном свойстве душ российских», опубликованная в двух номерах «Зрителя», явилась своего рода программным выступлением издателей. В других материалах, помещенных в журнале, мы встретимся с теми же оценками, с той же борьбой за русскую национальную культуру. А. И. Клушин, например, описывая в своей статье «Портреты» дворянина-космополита, вечного путешественника по чужим землям, говорит: «Он-то из числа тех великих людей, которые, вояжируя в чужих краях, научаются языкам иностранным, но платят за сие развращением души и сердца. Он-то из тех великих духов, проповедующих презрение к своему отечеству, которое не различает его с неблагодарным животным»[1].

«Портреты»[2] — сатирическое обозрение целой галереи петербургских типов, шествующих мимо окон дома автора.

---

[1] «Зритель», 1792, апр., стр. 220.

[2] «Зритель», 1792, февр., стр. 34-59; март, стр. 113-140; апр., стр. 212-228.

Среди Вертушкиных, Промоталовых, Двудушиных, Разврат и Нецеломудр описан и Антимуз — противник просвещения и наук: «с какою искренностию, с каким чистосердечием и благоразумием вооружается он на науки, яко орудия служащие к развращению сердца и разума, с какою благородною смелостию отзывается он худо о тех сочинениях, которых он и не читал, и понять не может. О, ты, щастливый смертный! Стремись во след самому себе, отвергай и презирай то, что миллионами людей признано за полезное и безценное благо человечеству; не робей, ополчайся, ты найдешь себе сопутников и никто не дерзнет защищать пред тобою науки...»

В мартовском номере «Зрителя» в продолжении «Портретов» дан знакомый образ Невеждина, в котором современники могли узнать черты директора императорских театров Соймонова: «Для чего, например, Невеждин, не имеющий понятия о науках, предлагает им свое покровительство и потом обращает милостивые взоры на писателя, дабы удостоить его выского своего гонения? Для чего этот же Антимеценат в состоянии притеснить сочинителя и лишить его места, ежели он не потрет стен в его передней, не сделает ему всякое утро двадцать поклонов в пояс и не назовет его знатоком и любителем наук? Ответ: Для того, что всякий Невеждин хочет прослыть ученым; для того, что он имеет нужду теснить дарования, дабы в его клевах никого не было его умнее; для того, что подлость возвышает его, а прямодушие уничижает; и, наконец, для того, что одно только невежество составляет все его достоинства»[1].

В галерее сатирических образов мы увидим «дурного драматурга Карикатуркина», встретимся с Одохватом «из ремесленных стихотворцев, который, как добрый разносчик, может прокричать: по оды!... по оды!...», «столкнемся с российским Эзопом, который отличается от древнего Эзопа тем, что тот заставлял зверей рассуждать как люди, а этот — людей, как скотов».

---

[1] «Зритель», 1792, март. стр. 114-115.

В статье «Прогулки», помещенной без подписи в июньском номере «Зрителя»[1], высмеяны авторы снотворных пьес: «Тилемахиды» (Тредьяковский), «Трояна и Лиды», (Левшин) и «Сакмира» — пьесы неизвестного московского автора. Высмеяно также было «нимфопрозаическое творение «Вахмистр» — И. И. Дмитриева (см. его «Отставной вахмистр») и другие. Здесь же дан образ Антикритика — педанта, «надменного знанием, без малейшего знания, сведениями, без малейшего просвещения». Его замечания направлены на мелочи, на типографские опечатки, но он «не касается до рассматривания авторовых мыслей, плана сочинения, характеров действующих лиц, ума и способностей».

В сатире «Покаяние сочинителя Крадуна», приписываемой И. А. Крылову[2], мы находим выступление за честный писательский труд, создающий оригинальные всем понятные и полезные произведения. В сатире обличались «непонятные» писатели, подражатели французам. Крадун сочинил пятитомную комедию, в которую он поместил все, «что он читал театрального», он «не спустил ни Трояну и Лиде, ни Сакмиру», т. е. заимствовал даже из самых неудачных, по мнению издателей «Зрителя», пьес. Комедия не имела успеха, так же как и последовавшая за ней трагедия в 12 действиях, в которой автор, используя опыт одной французской комедии, хотел «морить героев не ядом и не кинжалом», а «зачитать до смерти». Тогда Крадун принялся за оды. Первую, выкраденную у Ломоносова, он преподнес «одному барину на пожалование его в чин» и получил 100 руб., но затем, рассылая вельможам одну и ту же оду, Крадун опять терпит неудачу. И самое «Покаяние Крадуна» оказывается списанным из произведений различных писателей...

Крадун — это обобщенный образ ненавистного Крылову бездарного писателя-ремесленника, подражателя и рифмокрада.

Среди сотрудников «Зрителя» отметим Ивана Ивановича Варакина, впервые напечатавшего в нем свои стихо-

---

[1] «Зритель», 1792, июнь, стр. 154-163.
[2] «Зритель», 1792, май, стр. 64-84.

творения. Это была примечательная фигура. Крепостной князей Голицыных, он долгое время не мог откупиться от своих господ. В 1807 году он издал книгу стихов «Пустынная лира забвенного сына природы». В 1811-1812 годах он сотрудничает в журнале В. Г. Анастасевича «Улей», помещая в нем антикрепостнические стихотворения: «Глас истины к гордецам», «Нещастный во узах» и «Другу людей В. С.». Последнее стихотворение относилось к польскому писателю Валериану Стройновскому, требовавшему освобождения крестьян в своей книге «О условиях помещиков с крестьянами»[1]. В апрельском номере появилось стихотворение И. И. Варакина — «Любезному сыну моего инстинного благодетеля»[2]. Это была своеобразная ода книге — «источнику наук» и самим наукам.

Вопросы развития русского театра и драматургии освещались в «Зрителе» с тех же патриотических позиций заботы о русской театральной культуре. В трех номерах журнала[3] была напечатана большая статья «О театре» за подписью: «Охотник до театра».

Статья выражала, очевидно, мнение не только одного автора, совпадение ее со взглядами Крылова совершенно ясно.

Театр, по определению автора статьи, это «общественная забава, исправляющая нравы человеческие». «Театральное сочинение по мере извлекаемой из него только пользы заслуживает свое уважение»[4].

Не развлечение и приятное времяпровождение, а общественная польза, исправление нравов — вот чего ждали от театра передовые русские люди, взгляды которых нашли отражение в «Зрителе».

---

[1] О Варакине см.: Замков Николай. Иван Иванович Варакин... — «Русский библиофил», 1915, № 6, стр. 53-61; Гиппиус Василий. О некоторых писателях, связанных с Пермским краем. — В кн: Пермский краевед. сборник. Вып. II. Пермь, 1926.

[2] «Зритель», 1792, апр., стр. 183-186.

[3] «Зритель», 1792, июнь, стр. 121-145; авг., стр. 253-277; сент., стр. 25-63.

[4] «Зритель», 1792, июнь, стр. 123-125

Основное внимание в статье было обращено на разоблачение раболепия перед иностранщиной, тормозившего развитие русского театра и драматургии.

Автор утверждает, что «отечественность в театральном сочинении, кажется, должна быть первым предметом», что «мы не можем подражать слепо ни французам, ни англичанам: мы имеем свои нравы, свое свойство и, следовательно, должен быть свой вкус...» Драматургам в статье предъявляются требования «самим пробивать трудную стезю на Парнасе», несмотря на то, что «гораздо для них легче перекроить по-своему и выдать чужое на свой образец...»

Кто, например, мог бы стать героем драмы? «Кузьма Минин, купец есть лицо достойнейшее прославления на театре, его твердость, его любовь к отечеству для коего жертвовал он всем, что имел...» Автор оговаривается, что он не изгоняет огульно всю иностранную драматургию: «Я не отрицаю, чтобы для перемены не нужно было выводить на явление иностранные лица; но по любви к своим желал бы наперед видеть своих». Это требование — «видеть своих» совпадает с требованием правдивости в показе героев.

«Много мы имеем комедий, — пишет автор, — переделанных на наши нравы по надписи — а в самой вещи многие из них являются на позорище во французском уборе и мы собственных лиц мало видим: слуга, например, барину говорит остроты и колкости, которых ни один крепостной человек не осмелится сказать ни в каком доме; служанка на театре делает тоже, и вот лица, которые больше всех смешат в комедии, и которые меньше всех походят на правду!

Я не знаю, какое-то предубеждение затмевает некоторых большого света особ, что будто все русское далеко отстоит от чужестранного и ежели судить о сочинениях российских, то судят о них по близости к чужестранным творениям. А многие уверили себя, что российские зрелища не иначе и существовать должны как только по образцу французских. Сие предубеждение распространилось с язвой модного воспитания. Не спорю, что много

французских театральных сочинений бесподобных; но много также в них бесподобных и отступлений от природы...»

Автор статьи спрашивает: почему бы русскому театру не быть совершенным? «Мы имеем свою собственную музыку, а музыка и словесность суть две сестры родные; то почему-ж одна ходит в своем наряде, а другая должна быть в чужом?» Попутно автор отмечает презрительное отношение и к русской музыке «многих дам большого света» — «легковерных благотворителей», музыкантов, выписанных из Италии, которые «делаются судьями российским талантам; и от их-то пристрастного решения зависит одобрение русскому». Отзывы таких «судей» приводят к тому, что их покровители говорят, что «нет в российской музыке ничего привлекательного», тогда как в Италии восхищаются русскими напевами и «капельмейстер один всю славу свою и первенство снискал, возмещая сии напевы в своих сочинениях».

Осуждая слепое преклонение знатных господ перед иностранным театром и языками и их высокомерное и презрительное отношение к родному «безмерно-богатому русскому языку», к таким пьесам, как «Недоросль», автор ободряет читателей: «Нашлись люди, которые возымели благородную отважность бороться с предубеждением... Уже являются на театре свойства наши...» «Время и сочинители усердные к отечеству истребят сей пагубный предрассудок... Уже начинают некоторые сочинители открывать, в чем должен состоять истинный вкус российских зрелищ... Представляются комедии, в которых нет никакого подражания, кроме извлеченного из самой природы».

Ради правдивости, ради «истинных красот» и естественности в пьесе и в ее постановке можно и нужно порывать с обветшалыми канонами классицизма. Об этом автор говорит полным голосом, не боясь обвинений в разрушении кажущихся вечными литературных норм: «Если дело идет о пожертвовании единству места и времени истинными красотами, то тогда сочинитель погрешит сам

против себя и противу зрителей, предоставив им скуку по правилам»[1].

Издатели «Зрителя» получили из города Орла отклик на статью о театре и поместили его за подписью NN в сентябрьском номере журала одновременно с ответом автора статьи[2].

NN упрекает «Охотника до театра» в односторонности при сравнительной оценке русского и иностранного театров и драматургии. NN приписывает ему взгляд, которого тот не высказывал в своей статье, — о том, что так как все русское и так лучше всего иностранного, то не надо учиться ничему новому у иностранцев.

«Охотник до театра» дал критику подробный ответ, в заключение которого говорит: «Вы не опорочили моего рассуждения нигде и ничего в нем не поправили, а только силились уверить меня, что российские словесности худы, что вкуса у нас быть не может, что язык наш не хорош, и что французский лучше, что музыка наша способна только оглушить итальянцев и стечение согласных в нашем языке способно только удавить или свихнуть язык у французов... Не предрассуждение-ли это? И не постыдное ли предрассуждение?»

Крепостному праву в «Зрителе» были посвящены резкие обличительные строки, прежде всего в произведениях самого Крылова, затем и других авторов. Так, например А. И. Клушин в своих «Портретах» дает образ помещика Преглупа, который на слезах и на крови своих крестьян построил свою «мнимую великость».

Рисуя дворян ветрогонов, он подчеркивает, что «крестьяне сих погибельных сынов отечества стонут от поборов». «Помещик Разточилов 300 пахотных мужиков преобразил в певцов, актеров, дансеров и музыкантов, а за две своры гончих отдал с величайшим хладнокровием пять семей крестьян». «Обратим взоры, — призывает далее Клушин, — на того сластолюбивого и обжорливого расточителя, который для того, чтобы угодить вкусу своему и похвастать лучшим столом не щадит ни трудов бед-

---

[1] «Зритель», 1792, авг., стр. 257.
[2] «Зритель», сент., стр. 3-23; 40-63.

ных крестьян своих, ни доходов, высосанных с потом и кровью сих нещастных...»

Естественно, что в обстановке 90-х годов такие картины вызывали соответствующую реакцию со стороны властей. Можно считать, что прекращение издания было обусловлено правительственным вмешательством. Вспомним общеизвестный факт полицейского обыска в типографии Крылова в начале мая 1792 года[1], за месяц до которого был арестован Н. И. Новиков. Вопрос о причинах закрытия журнала «Зритель» не нашел до сих пор окончательного разрешения из-за отсутствия каких бы то ни было документальных материалов. Однако характер сатиры «Зрителя», передовые взгляды на развитие русской культуры, пропагандировавшиеся на его страницах, его антикрепостническая тенденция, — все это привело к тому, что журнал оказался под наблюдением и стал пользоваться особым вниманием Екатерины II.

Над издателями «Зрителя» был установлен полицейский надзор.

К лету 1792 года относится неразгаданный еще эпизод с вынужденным выездом Крылова или Клушина из Петербурга. В. П. Семенников[2] приводит свои соображения по поводу дарственной надписи Крылова и пометы Клушина на книге Лафонтена: «Подарены любезным другом Иваном Андреевичем Крыловым июля 29 дня 1792-го в бытность в типографии по причине нашей разлуки, на время; а может быть — судьбе одной известно». В. П. Семенников предположительно ставит эту разлуку в связь с майским обыском в типографии. Укажем еще на письмо Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву от 3 января 1793 года, в котором он спрашивает: «Правда ли что издателей «Зрителя» брали под караул и за что?»[3].

Судя по этим отрывочным и скупым данным, неприятности для типографии не ограничились одним майским обыском.

---

[1] Рождественский Н. И. А. Крылов и его товарищи по типографии и журналу в 1792 г. — В кн: Собрание Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 6. М., 1899, стр. 337-352.

[2] «Русский библиофил», 1914, № 6. Приложение, стр. 55.

[3] Там же, стр. 56.

Прекращая издание «Зрителя», Крылов и Клушин одновременно готовили выпуск нового журнала — «С.-Петербургский Меркурий».

В «С.-Петербургских ведомостях» появилось следующее объявление:

«Крылов и Клушин будут иметь честь выдавать с генваря месяца нынешнего 1793 года новое периодическое издание под названием Санкт-Петербурский Меркурий. В нем поместятся стихотворные и прозаические сочинения издателей и других наших писателей; подражания и переводы из иностранных авторов, как-то: из Вольтера, Руссо, д'Аламберта, Стерна и других; известия о книгах вновь выходящих, часто с краткою, а иногда с полною рецensиею; о С. Петербургском российском и французском театре, ежели на нем будет играно что-нибудь новое, или то из старых, что публике нашей отлично нравится; сокращенные жизни наших и иностранных писателей; смеси и проч. Целый год сего издания составит 4 части в 8-ю долю листа; каждая из них вмещает три месяца; месяц займет от 5 до 6 листов печатных. Подписка на сие издание принимается от издателей в новом доме е. в. Ивана Ивановича Бецкого, что у Летнего сада в типографии Крылова с товарищи. Особы благоволящие подписаться платят за весь год здесь по 5 р., а в других городах с пересылкою по 8 р. Первые присылают деньги к издателям, последние-же или вносят г. почтмейстерам или также адресуют на имя издателей, с надписанием своего имени и куда оные доставлять. Издание сие продолжится непременно год; каждый месяц выходить будет в первых числах предыдущего. Ежели оно заслужит внимание публики, издатели будут продолжать и далее»[1]. В объявлении не было указано о выходе из печати первого номера «Меркурия», напечатанного, повидимому, во второй половине января.

Следующие номера также появлялись не в «предыдущих месяцах», как ошибочно было указано в объявлении, а в последующих.

---

[1] «С.-Петербургские ведомости», 1793, 15 февр.

В «С.-Петербургских ведомостях» № 36, от 6 мая Крылов помещает новое объявление, из которого видно, что издатели принимали меры к распространению журнала и в Москве.

«Март месяц «С.-Петербургского Меркурия» отпечатан. Особы, благоволившие подписаться, могут присылать за ним. Подписка на сие издание принимается в С.-Петербурге у издателей в новом доме его вп. Ивана Ивановича Бецкого, что у Летнего сада, по утру от половины 9-го до половины 1-го часа; по полудни с 3 до 8 часов; в Москве в доме ее высокородия Аграфены Федотьевны Татищевой на Моховой улице у конторщика Фрола Федотова. Здесь за весь год платят 5 р. с пересылкою в другие города 8 рублей».

Аналогичное объявление о выходе из печати апрельского номера «С.-Петербургского Меркурия» напечатано в «С.-Петербургских ведомостях», в № 42 от 27 мая.

После выхода июльского номера журнала в судьбе его произошла резкая перемена: его издание по приказу Екатерины II перешло под особый контроль в типографию Академии наук. Точных данных, объясняющих причину такой передачи, пока не имеется.

Сохранившиеся в Архиве Академии наук СССР документы, использованные в 1914 году В. П. Семенниковым[1], свидетельствуют о том, что в июне 1793 года Крылов и Клушин передали Академии наук семь пьес (Крылов: «Филомела», «Проказники», «Бешеная семья», «Сочинитель в прихожей»; Клушин — «Смех и горе», «Алхимист»; Крылов, Клушин и Дмитревский — опера «Опасная шутка»)[2] — в качестве оплаты за печатание «С.-Петербургского Меркурия».

С августовского номера «С.-Петербургский Меркурий» стал печататься в типографии Академии наук.

---

[1] Семенников В. П. И. А. Крылов и А. И. Клушин. — «Русский библиофил», 1914, № 6, стр. 52-55.

[2] Авторы анонимной оперы «Опасная шутка» установлены А. П. Могилянским.

К этому времени относится опубликование в нем рецензии А. И. Клушина на трагедию Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский»[1].

Трагедия Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский», написанная в 1789 году, была лучшей его пьесой и явилась ответом на реакционную пьесу Екатерины II «Историческое представление из жизни Рурика» (1786 г.). Французская революция напугала Княжнина—он взял свою пьесу из театра и не напечатал. После его смерти ее отпечатали наследники Княжнина в типографии Академии наук. Появление трагедии о новгородском республиканце в период все увеличивающейся екатерининской реакции прозвучало вызовом правительству. Екатерина II приказала трагедию уничтожить. Ее вырезали из 39-й книги «Российского феатра», она перешла в разряд потаенной литературы. И в такой обстановке в «С.-Петербургском Меркурии» вдруг появляется рецензия А. И. Клушина на эту трагедию. Хотя он и не восхвалял ее открыто, но на 10 страницах пересказал ее содержание и ограничился замечаниями о некоторых ее противоречиях. Он даже сказал, что «вообще Вадим не есть лучшая из трагедий Княжнина».

В этом же августовском номере была напечатана «Сатира» Г. Горчакова[2], направленная против бездельников-дворян. Им противопоставлены герой-воин, философ-просветитель и селянин-крестьянин, питающий всех.

Если «Сатира» Горчакова могла еще пройти без последствий для составителей августовского номера «Меркурия», то отзыв Клушина о «Вадиме Новгородском» вряд ли остался без внимания правительства. В IV части «Меркурия», вышедшей уже весной 1794 года, Крылов в своем стихотворении «К счастию» обращается к фортуне:

«За что у нас с тобой не лад?
За что ко мне ты так сурова?»

Через 30 с лишним лет И. П. Быстров спросил у Крылова по поводу этого стихотворения: «За что это вы пе-

---

[1] «С.-Петербургский Меркурий», 1793, авг., стр. 124-144.
[2] «С.-Петербургский Меркурий», 1793, авг., стр. 100-111.

няете на фортуну, когда она так милостива к вам?» И Крылов ответил: «Ах, мой милый, со мной был случай, о котором теперь смешно говорить, но тогда... я скорбел и не раз плакал, как дитя. Журналу не повезло, полиция... и еще одно обстоятельство... Да, кто не был молод и не делал на своем веку проказ...»[1]

Очевидно, Крылов из-за издания «Меркурия» все-таки пострадал.

В Архиве Пушкинского дома хранится «Дело о напечатании журнала С.-Петербургский Меркурий. Соч. Крылова и Клушина, 1793, июня 7, № 17 (копия)». В нем — 16 рапортов и копий журнала канцелярии Академии наук, касающихся издания журнала за период с сентября 1793 года по апрель 1794 года.

Приведем неопубликованные тексты последнего рапорта и копии журнала канцелярии Академии наук.

Рапорт

По выписке от 7 июня мес. 1793 г. журнала под названием: С. П. Меркурий мес. декабря, соч. Крылова и Клушина, напечатано на счет Академии с полученных от них пиес, подписанных С.-Петербургской управой благочиния гражданским приставом Пахомом Князевым на календарн. неклеенной бумаге 580 и на их собственной голландск. 4 экз.; из коих в расходе: в канцелярию внесено для ее сиятельства Академии наук директора и кавалера 2 и для академич. библиот. 1, фактору 1, инсп. помощн. 1, корректорам 2, и наборщ. 1, а проч. 576 экз. хранятся, о чем императорской Академии наук рапортую, и порчен. за исключен. подписи наборщ. нет. На календ. неклеенной 2 дести 15 листов при сем взношу. Титулярный советник Матвей Григорьев. Апреля 3 дня 1794 года.

Копия журнала апреля 5 дня 1794-го года.

По рапорту фактора Григорьева и инспектор. помощника Миллера сочин. Крылова и Клушина под названием С. П. Бургский Меркурий месяц декабрь 1793 года, коего напечатано на счет Академии на белой 580 и на их собст-

---

[1] «Северная пчела», 1845, № 203.

венной бумаге 4 экземпляра выдано в обыкновенный по типографии расход семь; для академич. библиотеки внесен один, которой по переплете отдать в оную, а остальные сочинителям с распискою, о чем реченному Григорьеву дать выписку. На подлинном подписано: княгиня Дашкова, Николай Чихачев, Николай Авсов, секретарь Волков[1].

Общая картина издания «С.-Петербургского Меркурия» представляется в следующем виде: первый номер журнала имеет цензурное разрешение от 24 января 1793 года. Все остальные номера, кроме июльского, цензурных помет не имеют, но, судя по объявлениям, помещенным в «С.-Петербургских ведомостях», и материалам архива Академии наук, они вышли в свет: апрельский номер — в конце мая, августовский — 1 сентября, октябрьский — 2 ноября, ноябрьский — 1 марта 1794 года и последний — декабрьский — 4 апреля 1794 года[2].

В журнале, кроме Крылова и Клушина, сотрудничали: Андрей Бухарский, Гр. Хованский, Иван Мартынов, Александр Струговщиков, П. Карабанов, Стефан Ляпидевский, В. Л. Пушкин, Н. Николев, И. Милонов и ряд других писателей.

Начиная издавать журнал, Крылов и Клушин знали, что он будет носить иной характер, чем «Зритель». Но все же они не сомневались в той «очевидной пользе», которую может принести новый журнал для русской литературы и театра:

«Для чего не сказать публике о новых произведениях российской литературы? Для чего не возвестить о театре, что на нем играно особливо нового и как играно? Сие право позволенное и мы хотим им воспользоваться. Наши замечания, наши суждения по сей части не есть суждения деспотические. Рецензор ошибается; критик восстает и исправляет его погрешности; а вот уже и очевидная польза для наших словесных наук».

---

[1] Архив Пушкинского дома. «Дело о напечатании журнала С.-Петербургский Меркурий...» Шифр: $\frac{14.609}{\text{LXXXV. 6. 15}}$

[2] «С.-Петербургские ведомости», 1793, № 42; «Русский библиофил», 1914, № 6, Приложение, стр. 55.

Учитывая печальный опыт «Зрителя», издатели заранее оговаривают свое «благонравие», адресуя это властям, и заявляют, что их сочинения пойдут за их полной подписью:

«Сочинения в стихах и прозе, подражания и переводы издателей будут печататься с их именами. Какая нужда скромничать именем, ежели цель сочинения не противна благонравию и не нарушает ничьего спокойствия? Особы, сделавшие честь присылкою своих сочинений, подражаний или переводов, пользуются своим правом», то есть они могут писать и под псевдонимами.

В новом журнале сатирический элемент занимал далеко не ведущее место, а характер сатиры изменился в сторону ее смягчения. В журнале печаталось много произведений, далеких от общественных вопросов; публиковались оды, мадригалы, анекдоты.

Правительственный пресс в последние годы царствования Екатерины II давил все сильнее и Крылову с Клушиным было не под силу сопротивляться этому давлению.

Архивные материалы Академии наук, относящиеся к печатанию «С. Петербургского Меркурия», позволяют исправить ошибку биографического характера относительно отъезда И. А. Крылова из Петербурга в 1793 году. Об этом отъезде упоминает ряд мемуаристов, литературоведов и биографов Крылова.

И. И. Мартынов, редактировавший «С. Петербургский Меркурий» во второй половине 1793 и начале 1794 года в период издания его в Академии наук, писал в своих «Записках», что в половине 1793 года Клушин уехал неизвестно куда, а «Крылов также уехал к какому-то помещику в деревню. Таким образом, издание Меркурия легло на мне»[1]. Таково свидетельство современника Крылова, участника издания его журнала.

Б. Л. Модзалевский в статье о Клушине, помещенной в 1897 году в «Русском биографическом словаре»,

---

[1] Мартынов И. И. Записки. — В кн.: Памятники новой русской истории. Сб. ист. статей и материалов, издаваемых В. Кашпиревым, т. II. Спб., 1872, отд. II, стр. 88.

указывает, что «Крылов в конце 1793 года бросил издание и типографию и покинул Петербург»[1].

В. В. Каллаш в биографии Крылова, напечатанной в 1904 году, в I т. полного собрания сочинений И. А. Крылова, сообщает: «Типография была передана другим лицам. Крылов повидимому выехал из Петербурга (около половины 1793 г.)»[2]

В. П. Семенников в отмеченной уже выше статье о Крылове и Клушине говорит: «Крылов в средине 1793 года (как полагают) покинул Петербург»[3]. Клушин же, по его сведениям, выехал не ранее весны 1794 года.

В действительности дело обстояло иначе.

Из приведенных выше материалов архива Академии наук видно, что еще в апреле 1794 года типография Академии наук под расписку вручала Крылову и Клушину декабрьский номер «С. Петербургского Меркурия».

В решении Канцелярии Академии наук от 7 июня 1793 года указывалось, что книжки журналов будут печататься за месяцы август-декабрь «по представлению от оных сочинителей с надписанием от Управы благочиния цензурного дозволения». Перерыв в выпуске номеров — с ноября 1793 года до марта 1794 года — объясняется, видимо, тем, что Крылов и Клушин не смогли своевременно дать материал для печати. В том же решении канцелярии было сказано, что «корректуру сего журнала править первую корректорам, а вторую для просмотрения и подписки к печатанию отсылать к помянутым сочинителям».

В последнем номере журнала, вышедшем в начале апреля 1794 года, помещено прощание издателей с читателями. «Год Меркурия кончился — и за отлучкою издателей продолжаться не будет», — сказано в нем. Отсюда можно заключить, что лишь после выпуска последнего номера издатели выехали из Петербурга.

---

[1] Русский биографический словарь. Ибак-Ключарев. Спб., 1897, стр. 572.

[2] Крылов И. А. Полное собрание сочинений. Т. 1. Спб., 1904, стр. XLVI.

[3] Семенников В. П. И. А. Крылов и А. И. Клушин.—«Русский библиофил», 1914, № 6, Приложение, стр. 52.

Таким образом, можно полагать, что до весны 1794 года Крылов находился в Петербурге, может быть и совершив какие-либо поездки за осень и зиму 1793—1794 годов.

Кроме журналов «Зритель» и «С. Петербургский Меркурий», в типографии Крылова печатались театральные афиши, билеты и книги.

Первые обобщенные сведения по этому вопросу дал в 1847 году И. П. Быстров в статье «Типография Крылова и товарищи»[1]. Он указывает, что типография печатала афиши, билеты и сообщает далее: «Из книг, напечатанных в сей типографии, кроме журналов Зритель и С. Петербургский Меркурий, известны девять званий: 1) Забава в уединении, 1792 г. 2) Мельник и сбитенщик, комедия, 1793. 3) Миртиль и Клое, 1793. 4) Пигмалион, 1792. 5) Дианино древо, опера, 1792 г. 6) Редкая вещь, опера, 1792 г. 7) Кора и Алонзо. Ироида, 1793. 8) Сельская лира, 1792. 9) Приключения Фобласа, 1792».

По данным В. Ф. Кеневича, «деятельность типографии Крылова была весьма ограниченная: в смирдинской росписи мы нашли только десять изданий, вышедших из этой типографии, и все они весьма незначительны по объему»[2].

В. В. Каллаш добавил к списку И. П. Быстрова одно название: «Бобыль» Плавильщикова, упомянув, правда, еще: «и прочие»[3].

Таким образом, до настоящего времени были известны десять книг, изданных Крыловым. Наши разыскания позволяют значительно расширить этот список. В архиве журнала «Русский библиофил», хранящемся в Отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, мы нашли интересную рукопись и корректуру неопубликованной статьи неизвестного автора: «А. Ф. Смирдин». В последней оказались некоторые материалы и о ранней издательской деятельности Крылова.

---

[1] «Северная пчела», 1847, № 289.

[2] Кеневич В. Ф. Материалы для биографии Крылова. — Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 6. Спб., 1869, стр. 298.

[3] Крылов И. А. Полное собрание сочинений. Т. I. Спб., 1904, стр. XVII, в подстроч. примечании.

По этим данным в типографии Крылова были напечатаны следующие книги: «Редкая вещь», «Дианино древо», «Пигмалион», «Бобыль», «Мельник и сбитенщик — соперники», «О здравии ученых людей», «Кора и Алонзо», «Ироида», «Мое праздное время или собрание мелких стихотворений», «Обращенный Мизантроп или Лебединская ярмарка», «Ода Екатерине II...», «Песня на прославление веры», «Истинный друг», «Сувороида».

К известным ранее изданиям добавились, таким образом, еще семь названий. Но сведения эти, документально не подтвержденные, вызывали сомнение, тем более, что здесь не были указаны книги, отпечатанные бесспорно в крыловской типографии, имеющие ее помету, как например, «Миртиль и Клое», «Сельская лира» и другие. Проверка найденных сведений по фондам Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина показала следующее: четыре книги оказались хотя и без пометы типографии Крылова, но с ее характерным шрифтом и виньетками, (ваза с цветами на подставке; лира и книги), остальные три — без всяких признаков выхода из печати именно в крыловской типографии.

При просмотре в фондах Публичной библиотеки книжной коллекции Бестужева-Рюмина выявилась еще одна книга с виньеткой типографии Крылова на титульном листе: «Крестьянин-маркиз. Комическая опера»... Спб., 1795. Эта книга оказалась ценной не только потому, что она была издана в интересующей нас типографии, но и потому, что в конце ее был приплетен на трех ненумерованных страницах «Реестр книгам продающимся в типографии в новом доме его превосходительства Ивана Ивановича Бецкого, что у Летнего сада», т. е. в типографии Крылова с товарищами.

В этом реестре указано 30 книг, среди которых, кроме уже известных нам, семнадцать новых названий. Проверка de visu этих 17 книг показала следующее: 3 из них имеют виньетки крыловской типографии, одна — помету: «типография Крылова и товарищи», остальные — без каких-либо внешних признаков выхода из печати именно в крыловской типографии. Учитывая наличие в договоре типографского товарищества пункта о праве лавки «выме-

на книг» для «обогащения реестра», можно полагать, что эти остальные 13 книг и были выменены на издания крыловской типографии и находились в лавке как дополнительный книжный товар. К этой же категории относится книга «О здравии ученых людей», указанная в статье из архива «Русского библиофила». Таким образом, 14 книг не могут сейчас считаться изданными крыловской типографией и мы их исключаем.

В ходе дальнейших библиографических разысканий нам удалось обнаружить еще одну книгу с пометой типографии, вышедшую в 1792 году: «Правила благопристойности для преподавания обучающемуся юношеству».

Таким образом, в типографии «Крылова с товарищи» в 1792—1796 годах были изданы 21 книга и 2 журнала.

Интересы Крылова, Дмитревского, Плавильщикова и Клушина к театру и драматургии совершенно определенно отразились на их издательской деятельности в XVIII веке: из 21 изданной книги 10 являются пьесами. Они выпускают наиболее популярные оперы и комедии, десятки лет не сходящие со сцены. Так, «Дианино древо» и «Редкая вещь» шли на петербургской сцене вплоть до 20-х годов XIX века. В 1800-х годах в Москве успехом пользовались пьесы Плавильщикова «Бобыль», «Мельник и сбитенщик — соперники».

Когда прекратилась издательская деятельность этой типографии? Выясненные нами неизвестные издания типографии «Крылова с товарищи» позволяют по-новому разрешить этот вопрос. Кроме «Приключений Шевалье де Фобласа» (ч. 1—18), выходивших из печати с пометой крыловской типографии с 1792 по 1796 год, мы имеем изданную в 1794 году с такой же пометой книгу «Лидия де Жерсин». Поэтому можно считать, что типография существовала в течение пяти лет — с 1792 по 1796 год, а не была закрыта в 1793 году, как считалось до сих пор. Книги с виньетками типографии, изданные в 1795-1796 годах, также подтверждают этот вывод.

Однако открытым остается вопрос о непосредственном участии Крылова в издательской работе двух последних

лет, когда он, по мемуарным данным, выехал из Петербурга. В типографии в этот период работал В. А. Плавильщиков. Как мы знаем, в издательском договоре товарищества имелся 12-й пункт, разрешавший членам товарищества временно уезжать без выхода из него и оставлять вместо себя заместителя. В. А. Плавильщиков мог войти в эти годы в товарищество за своего брата П. А. Плавильщикова, уехавшего в 1793 году в Москву.

О дальнейшей судьбе типографии Крылова в конце XVIII и в начале XIX века в печати имеются разноречивые сведения, сводящиеся к тому, что типография перешла от Крылова к другим лицам и он издательской деятельностью затем не занимался. Документы, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде, и другие материалы исправляют эти неправильные выводы.

В указе Екатерины II о закрытии частных типографий, изданном в сентябре 1796 года, имелась оговорка, позволяющая частным типографиям продолжать свою работу в том случае, если они по договору печатают для каких-либо казенных учреждений и ведомств. Пункт 2-й указа гласил: «Частными лицами заведенные типографии в рассуждение злоупотреблений от того происходящих, исключая те только, кои по особому дозволению нашему, вследствие учиненных с главнейшими в государстве нашем местами соглашений или договоров устроены, упразднить...»[1]. Типография Крылова с товарищи, печатая для императорских театров афиши и билеты, имела соответствующий договор с дирекцией театров. В Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде хранится следующий договор, публикуемый здесь впервые: «Тысяща седмсот девяносто девятого года ноября в осмнадцатый день заключен сей контракт в конторе театральной дирекции с содержателем типографии Василием Алексеевым сыном Плавильщиковым в том, что от вышеписанного числа впредь на три года принял он на себя печата-

---

[1] Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XXIII. Спб., 1830, стр. 933-935.

ние потребных для дирекции на русском, французском и немецком языках и с переводом афиш, объявлениев и билетов...»[1] Но В. А. Плавильщиков после отъезда своего брата П. А. Плавильщикова в Москву в 1793 году повел вместо него издательские дела в товариществе. Таким образом, приведенный выше договор 1799 года относился именно к типографии Крылова с товарищи. Очевидно, типография заключала аналогичные договоры с дирекцией театров и в предыдущие годы и поэтому не была закрыта в 1796 году. В ее существовании после 1796 года нас убеждает также следующее объявление, напечатанное в «С.-Петербургских ведомостях» 27 ноября 1797 года: «В типографии, находившейся при губернском правлении, что в Мещанской, которая прежде была в Бецковом доме у Летнего сада, продаются книги: Зритель, ежемесячное издание, весь год 5 р., Муза — весь год 5 р.» и т. д. Здесь речь идет о крыловской типографии, находившейся, как известно, в доме И. И. Бецкого у Летнего сада и именуемой в объявлении типографией губернского правления. Но Петербургское губернское правление не имело собственной типографии, как об этом свидетельствуют документы из Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, а заключало договоры с различными частными типографиями.

Таким образом, типография Крылова в 1796 году не была ликвидирована или продана, а продолжала работать для Петербургского губернского правления. Содержателем ее был В. А. Плавильщиков. И. А. Крылов, уехавший в эти годы из Петербурга, не участвовал в издательской деятельности. Не обнаружены пока какие-либо данные о том, что Крылов временно передал свою долю в товариществе или продал ее В. А. Плавильщикову. Поэтому, не характеризуя подробно работу типографии в этот период, укажем только, что типография, кроме официальных материалов Губернского правления, продолжала печатать по договору для театральной дирекции афиши и билеты. В ней было издано и несколько книг, в числе которых пьесы А. И. Клу-

---

[1] ЦГИАЛ, Дела дирекции имп. театров, дело № 21, картон 7443, л. 15-15 об.

шина «Услужливой» — 1800 год, «Худо быть близоруким» — 1801 год; опера И. А. Крылова «Американцы» — 1800 год; пьеса П. А. Плавильщикова «Сговор Кутейкина» — 1799 год.

В 1803 году в Петербурге появляются издания с маркой «театральной типографии» или «типографии императорских театров».

Это, как установлено нами, все та же типография И. А. Крылова и его товарищей, существовавшая с 1796 года под названием «типографии губернского правления», иногда — «типографии Плавильщикова». В этом убеждают нас некоторые документы и свидетельства современников. В 1805 году С. Петербургский цензурный комитет на заседании 19 декабря рассматривал вопрос о состоянии типографий в С. Петербургском учебном округе. В протоколе заседания мы находим сведения о театральной типографии:

«3-я. Театральная типография заведена в 1791 году придворным актером Петром Плавильщиковым с товарищами, коим на содержание оной дано было позволение от управы благочиния; ныне находится она под ведением театральной дирекции и имеет привеллегию высочайше данную прошлого 1804 года печатать театральные и маскерадные афиши и известия, относящиеся до публичных зрелищ. Нынешний ее содержатель московский купец Василий Плавильщиков, получивший оную со всеми ее правами от брата своего Петра Плавильщикова и его товарищей. Печатание производится в сей типографии на всех европейских языках»[1].

Этим документом устанавливается тождество «Типографии Крылова с товарищи» 1791—1796 годов и театральной типографии 1805 года.

Сошлемся затем на указание современника и сослуживца И. А. Крылова, помощника библиотекаря Публичной библиотеки — В. С. Сопикова, приведенное в 1-м томе его «Опыта российской библиографии»[2]. В обзоре су-

[1] ЦГИАЛ, ф. 777, оп. I, № 206147, картон I, л. 214-214 об.

[2] Сопиков В. Опыт российской библиографии. Ч 1. Спб., 1813, стр. CXXII.

ществующих в Петербурге типографий он перечисляет 10 казенных типографий и 8 частных. В числе последних под номером 4 указана: «Крылова, именуемая театральная, для печатания на российском, латинском и немецком языках». Приведем далее два неопубликованные документа. Первый — отношение А. Н. Оленина в дирекцию императорских театров от 20 марта 1811 года, в котором он затрагивает интересующий нас вопрос:

«В содержании театральной типографии действительно находятся три соучастника, из которых по мере положенного капитала считаюсь я первым, затем следуют г. титулярный советник Крылов и придворный актер Рыкалов»[1].

Второй документ — автограф Крылова — его письмо от 12 мая 1815 года в дирекцию императорских театров по поводу задолженности своей и Оленина за типографские работы:

«На извещение от Санктпетербургской полиции по случаю требования императорского театра о взыскании с господина тайного советника и кавалера Оленина и меня по расчетам недоимки за содержание типографии императорского театра сим имею честь донести, что его превосходительство г. Оленин отнесется по сему в оную дирекцию с скончательным расчетом»[2].

Возникает вопрос, почему дирекция театров разрешила владельцам частной типографии именовать ее типографией императорских театров? Такой порядок наименования типографии, работающей на театры, сохранялся в течение всего времени их существования. Так, например, в 1828 году дирекция разрешила Плюшару выставить к его типографии вывеску «типография императорских С. Петербургских театров»[3], потому что в этом году Плюшар начал по договору печатать для дирекции афиши и другие материалы.

В 1803 году дело обстояло так же: типография И. А. Крылова и его товарищей, работавшая для дирекции им-

---

[1] ЦГИАЛ № 102, картон 7416, л. 15

[2] ЦГИАЛ оп. 97/2121, л. № 922, картон 7467, л. 4.

[3] ЦГИАЛ, оп. 97/2121, дело № 3413, картон № 7571, л. 31.

ператорских театров, с 1792 года получила право именоваться театральной до 1827 года, когда это право перешло к типографии Плюшара.

Собранные нами сведения о жизни Крылова в этот период говорят следующее: 26 сентября 1803 года он увольняется из канцелярии рижского губернатора С. Ф. Голицына, где он работал с 1801 года[1]. Весной 1804 года мы видим Крылова в Петербурге в кружке А. Н. Оленина; там часто собирались любители искусства и литературы, писатели, театралы, артисты, художники. В воспоминаниях С. С. Уварова так описана обстановка оленинского кружка[2]: «Лучшие произведения Крылова были читаны в первый раз в кругу друзей Оленина... В доме Оленина явился в свою очередь В. А. Озеров с рукописным «Эдипом в Афинах» и тут была читана в первый раз эта трагедия... Первоначальные репетиции этой трагедии происходили также в доме А. Н. Оленина...» В гостиной Олениных «почти ежедневно встречалось несколько литераторов и художников русских. Предметы литературы и искусства занимали и оживляли разговор...

Сюда обыкновенно привозились все литературные новости, вновь появляющиеся стихотворения, известия о театрах, о книгах, о картинах, словом, все, что могло питать любопытство людей более или менее движимых любовью к просвещению...»

В этот же период Крылов сближается с А. А. Шаховским и попадает в театральные круги.

Мы не имеем документальных данных для того, чтобы точно датировать и воссоздать историю нового издательского товарищества, связанного с прежней крыловской типографией, но участие в этом товариществе Крылова позволяет предполагать, что оно не случайно обратилось именно к этой типографии. Вероятно, Крылов не порывал связей с ней.

Общие интересы Оленина, Рыкалова, Шаховского и Крылова к театру подсказали им возможность использо-

---

[1] Архив ПБ, Дела Дирекции, 1828, № 31, док. 122.

[2] А. В. [Уваров С. С.] Литературные воспоминания. — «Современник», 1851, № VI, отд. II, стр. 40.

вания типографии для печатания первого театрального журнала «Драматический вестник», а также драматургической литературы. Контракт типографии с дирекцией театров обеспечивал материальную базу этого издательского коллектива в виде постоянных заказов.

Уже в 1807 году мы имеем такое положение, что вместо В. А. Плавильщикова, открывшего к этому времени собственную типографию, содержателем театральной типографии становится друг А. Н. Оленина, живущий в его доме, А. И. Ермолаев. В Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде сохранились соответствующие документы, в частности контракт дирекции театров с А. И. Ермолаевым, действующим за поручительством А. Н. Оленина от 26 октября 1806 года, на содержание театральной типографии, начиная с 27 января 1807 года на четыре года. После отъезда в 1809 году А. И. Ермолаева в научное путешествие по России, содержателем типографии становится В. Ф. Рыкалов.

Период действия типографии Крылова и товарищей в XIX веке, как типографии театральной, может быть определен с 1803 года по 1827 год, в течение которого появляются издания с пометой театральной типографии или типографии имп. театра и когда она обслуживала нужды дирекции театров.

Имеется документ, позволяющий говорить о начале деятельности театральной типографии с августа 1802 года. В Центральном государственном историческом архиве, в фонде Петербургского цензурного комитета хранится дело о доставлении сведений о типографиях в 1808 году.

В нем имеется отношение цензурного комитета в дирекцию театров от 16 декабря 1808 года, в котором запрашивались следующие сведения «о типографии, при здешнем императорском театре учрежденной: 1-ое когда заведена оная и какие имеет привилегии; 2-ое кто нынешние ее содержатели и 3-е на каких языках производится в ней книгопечатание».

27 декабря 1808 года дирекция театров в ответе комитету сообщила: ... «дается сим знать, что первоначально заведена типография при здешнем театре дирекциею прош-

лого 1802 года, августа 16-го числа, по какой привилегии она имеется и доныне...»[1].

Таким образом, типография издательского товарищества И. А. Крылова с 1791 по сентябрь 1796 года именовалась «типографией Крылова с товарищи», с конца 1796 года по август 1802 года — «типографией губернского правления» и с августа 1802 года по 1827 год — «театральной типографией» или «типографией императорских театров».

Официальными содержателями типографии в XIX веке были: до 1807 года В. А. Плавильщиков, фактический участник Крыловского издательского товарищества в XVIII веке; в 1807—1809 годах — А. И. Ермолаев; в 1809—1812 годах — артист В. Ф. Рыкалов; в 1813—1815 годах после смерти Рыкалова фактическим содержателем был А. Ф. Похорский, с сентября 1815 года оформивший свои права официальным контрактом на 4 года.

В 1828 году дирекция императорских театров заключает договор на издание афиш, билетов и прочего с типографом Плюшаром и наименование «театральной» переходит к его типографии, существовавшей с 1811 года.

Все дальнейшие следы Крыловской типографии исчезают.

Повидимому, она была продана А. Ф. Смирдину, с которым Крылов в эти годы находился в деловых отношениях. Это подтверждается тем фактом, что именно у Смирдина оказался акт издательства «Крылова с товарищи» 1791 года, о котором говорилось выше.

Что же издала театральная типография за 1803—1827 годы?

По фондам Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, библиотеки Академии наук СССР и Государственной театральной библиотеки им. Луначарского удалось установить 205 изданий в 251 томе, выпущенных типографией и имеющих ее наименование на титульном листе. В числе их — четыре журнала: «Драматический вестник» (1808 г.), «Журнал для детей» (1813 г.), «Русский

---

[1] ЦГИАЛ, Дела Спб. цензурного комитета, ф. 777, оп. 1, № 206185, картон 3, л. 4-5 об.

пустынник» (1817 г.) и «Северный наблюдатель» (1817 г.) Остальные издания — книги, среди которых основное место занимает художественная литература — 168 книг, литература по истории — 12 книг, по искусству — 5, по библиотечному делу — 9, по философии, медицине и библиографии — по одному изданию.

Из 168 изданий художественной литературы на пьесы падает 138 изданий — 82%, на прозаические произведения — 13 изданий, поэзию — 16 изданий.

Таким образом, мы можем отметить тот важный факт, что 70% изданных театральной типографией книг — это пьесы членов Оленинского кружка и ближайших его знакомых.

В 1805 году выходят две комедии А. Бухарского, в 1807 году трагедии Озерова «Фингал», «Дмитрий Донской» и А. П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец»; в последующие годы — 17 комедий и опер А. А. Шаховского, 5 комедий М. Н. Загоскина; в 1815 году комедия «Молодые супруги» А. С. Грибоедова, в 1816—1817 годах собрание сочинений Озерова и вторые издания трех пьес И. А. Крылова. Кроме оригинальных русских пьес, составляющих 60% их общего числа, типография выпустила 76 переводных пьес. Среди них пьесы Шекспира «Отелло» (пер. Н. Вельяшева) и «Король Лир» (пер. Н. И. Гнедича), «Танкред» Вольтера (пер. Н. И. Гнедича), «Слуга двух господ» Гольдони (пер. Е. Лифанова), нашумевшая в свое время комическая опера «Русалка», переведенная Краснопольским.

К числу пьес, изданных в театральной типографии, относятся 24 балетных либретто, написанных Вальберхом и Дидло.

Помимо пьес, изданы были: поэма Н. И. Гнедича «Рождение Омера», басни Крылова, «Русские песни, сочиненные в селе Спасском», патриотическое стихотворение А. Тургенева «К отечеству», выпущенное листовкой в 1806 году, «Плутарховы избранные жизнеописания славных мужей» в переводе Е. Дестуниса, «Аббат» Вальтер Скотта. Типография выпустила также официальные и иные издания Публичной библиотеки, где Крылов работал с 1812 по 1841 год. книги по искусству, книги, посвя-

щенные войне 1812 года, истории древней Руси, всеобщей истории, медальерному делу и т. д.

В типографии издавался — «Драматический вестник», который был первым русским театральным журналом. В нем участвовали И. А. Крылов, Г. Р. Державин, А. А. Шаховской, И. А. Дмитревский, Н. И. Гнедич, К. Н. Батюшков, А. Н. Оленин, А. А. Писарев, С. Н. Марин, С. П. Жихарев, А. В. Воейков и другие.

В 1813—1816 годах в театральной типографии были напечатаны четыре первых тома замечательного труда помощника библиотекаря Публичной библиотеки В. С. Сопикова — «Опыт российской библиографии». Это был свод русских книг, вышедших с начала книгопечатания по 1813 год, и, вместе с тем, первый рекомендательный указатель лучшей литературы, выделенной автором в книге различными способами. А. Н. Оленин и И. А. Крылов помогли В. С. Сопикову выпустить его труд. Надо полагать, что он не увидел бы света в полном объеме, если бы не был издан в театральной типографии, так как возвратной ссуды, которой Оленин добился на издание «Опыта» от Александра I, хватило только на два тома.

Издательская деятельность И. А. Крылова в конце XVIII и начале XIX века свидетельствует о его заботах о развитии и росте русской книги, и, в первую очередь, репертуара для театра. Кстати, следует отметить, что в 1820-х годах в течение пяти лет И. А. Крылов участвовал в работе особой театральной коллегии при дирекции имп. театров, рассматривавшей пьесы, поступавшие в дирекцию.

С издательской деятельностью И. А. Крылова прекрасно сочеталась его библиотечная деятельность, направленная на собирание и продвижение русской книги к читателям.

II

Публичная библиотека, официально основанная в 1795 году, с первых же дней попала в руки тех, кто едва не погубил ее. Первый ее заведующий эмигрант-роялист граф Шуазель-Гуаффье, выброшенный революцией из Парижа и нашедший приют и почет у «просвещенной»

Екатерины II, ознаменовал свое заведывание тем, что допустил расхищение Библиотеки и составил уже план полной ликвидации ее путем раздачи книг различным учреждениям. Пришедший ему на смену граф Строганов был лишь номинальным директором, а развал Библиотеки продолжался под руководством другого беглеца из Франции — шевалье д'Огара.

В 1808 году в Библиотеку приходит А. Н. Оленин — умный и образованный человек, археолог, искусствовед и литератор, любивший русскую культуру. Он подготавливал Библиотеку к открытию в 1812 году, но этому помешала война с Наполеоном. Библиотека открылась лишь 2 января 1814 года. Период директорства А. Н. Оленина в истории Библиотеки можно назвать периодом ее количественного роста, собирания фондов и хозяйственного укрепления.

В результате «деятельности» Шуазель-Гуаффье и д'Огара к началу директорства Оленина в Библиотеке насчитывалось книг много меньше, чем было в 1795 году. Русских книг оставалось всего четыре!

За 35 лет директорства Оленина книжный фонд увеличился с 200 000 до 411 331 тома, а число рукописей с 12 000 до 17 234 единиц. Русский фонд с 4 книг к 1820 году вырос до 4 636 томов, в 1836 году — до 26 000 томов, а к 1843 году до 30 000 томов, не считая дублетов[1].

Книги были расставлены в определенном порядке (по языкам, затем по отраслям знаний, форматам и в алфавите авторов или заглавий). К 1828 году был составлен систематический каталог по библиографической системе Оленина. Кроме того, на русский фонд к 1837 году И. П. Быстровым[2] был составлен алфавитный карточный каталог. Оленин расширил помещения Библиотеки, изыскивал средства на пополнение фондов, так как специальных сумм на это не отпускалось.

Создание национального русского книгохранилища неотъемлемая заслуга А. Н. Оленина. И в этом деле пер-

[1] Архив ПБ, 1843, дело № 19.

[2] И. П. Быстров — библиотекарь Публичной библиотеки, помощник И. А. Крылова.

вым помощником его был заведующий русским отделением Библиотеки Иван Андреевич Крылов. Поступив в Библиотеку, он попал в исключительно благоприятную обстановку как для своего литературного роста, так и для применения своих сил на библиотечном поприще. В Публичной библиотеке в этот период уже работали: А. Х. Востоков, Н. И. Гнедич, А. И. Ермолаев. Оленин возглавлял эти литературно-ученые силы. Особенно важным для Крылова являлось присутствие в Библиотеке Василия Степановича Сопикова, уже известного к тому времени знатока русской книги, работавшего над капитальным сводом русской книги — «Опытом российской библиографии».

Крылов работал в русском отделении Библиотеки вместе с Сопиковым первые шесть лет и, несомненно, такая совместная работа обогащала того и другого. Как мы увидим ниже, они «обще-заведывают русским отделением», принимают новые книги, каталогизируют их, дежурят в читальном зале. Сохранились результаты их совместных работ по каталогизации фонда.

Крылов в своих библиографических работах использовал ряд приемов, применявшихся Сопиковым в «Опыте».

Крылов высоко ценил Сопикова и подобно ему передавал свои знания в книжном деле и библиографии сослуживцам. Имеется интересное свидетельство И. П. Быстрова: «Ивану Андреевичу обязан я первыми уроками и некоторыми сведениями моими в библиографии. Советы и наставления его заохотили меня к изучению сей науки. В мае 1829 года И. А. писал мне: «Пришлите мне мои карточки. Что у вас сделано? Не скучаете-ли новою должностью? Старайтесь, старайтесь, мой милый. Сопиков много трудился, ему и честь. Но не без греха и он и при ссылках на него будьте осторожны. В чем усомнитесь, спросите Анастасевича... и проч.». Таковы были заботы И. А. об успехах моих в библиографии...»[1]

Внешняя сторона деятельности И. А. Крылова в Библиотеке такова: 2 января 1812 года директор Публичной библиотеки А. Н. Оленин направил министру народного просвещения А. К. Разумовскому ходатайство о принятии

[1] «Северная пчела», 1846, № 63.

на должность помощника библиотекаря титулярного советника Крылова, «который известными талантами и отличными в российской словесности познаниями может быть весьма полезным для библиотеки». 7 января А. К. Разумовский утвердил Крылова «библиотекарским помощником»[1]. В должности помощника библиотекаря Крылов работал до 23 марта 1816 года, когда он был переведен в библиотекари[2]. 1 марта 1841 года Крылов увольняется из Библиотеки в отставку[3]. Все эти 29 лет он работал в русском отделении Библиотеки.

10 января 1812 года А. Н. Оленин поручил Крылову «во время отсутствия г-на помощника библиотекаря Сопикова» заведывание отделением русских книг. Сопиков в это время был отпущен в Москву для завершения своих книготорговых дел. Возвратился он в начале марта 1812 года. Помощником Крылова на это время был назначен служащий Библиотеки — Попов.

После возвращения Сопикова Крылов занимался составлением так называемых «разборных каталогов», т. е. каталогов, в которых дана оценка (разбор) указанным в них книгам. К сожалению, они не сохранились[4].

24 сентября 1812 года Сопиков по поручению А. Н. Оленина выезжает из Петербурга в Олонецкую губернию, сопровождая наиболее ценные рукописи и книги, которые решено было вывезти на Север в связи с опасностью нападения наполеоновской армии на Петербург. Обратно Сопиков возвратился в конце декабря 1812 года, и в этот период Крылов работал в русском отделении один[5]. Далее, вплоть до весны 1818 года, Крылов и Сопиков совместно заведуют русским отделением. Оленин пишет, например, в 1814 году: «Помощник библиотекаря г. коллежский асессор Крылов, обще с помощником библиотекаря 14 класса Сопиковым заведывает все печатные книги на славянском и российском языке»[6].

---

1 Архив ПБ, 1812, № 8, док. 1 и 2

2 Архив ПБ, Журнал входящих бумаг, 1816 г., № 5.

3 Архив ПБ, 1812, № 8, док. 101.

4 Архив ПБ, 1812, № 8, док. 4.

5 Архив ПБ, 1812, № 11, док. 21 и 58.

6 Архив ПБ. Бумаги к отчету за 1814 г., кн 1, л. 14.

В феврале 1818 года Сопиков тяжело заболел и 21 июля 1818 года умер. Крылов с февраля 1818 года работает в русском отделении один. Помощниками его в дальнейшем были: с 6 августа 1818 года по июль 1820 года — М. Н. Загоскин; с апреля 1821 года по февраль 1825 года — А. А. Дельвиг; с марта 1825 года по сентябрь 1827 года —служащий Библиотеки П. А. Васильев.

Последним помощником Крылова, принесшим русскому отделению и Библиотеке в целом много пользы, был известный впоследствии библиограф И. П. Быстров.

В рапорте Оленину от 27 февраля 1829 года Крылов выдвинул кандидатуру И. П. Быстрова в свои помощники: «Вашему превосходительству известно, — писал Крылов, — сколь число книг в Российском отделении императорской Публичной библиотеки умножилось, так что уже мало остается сделать приобретений для укомплектования сего собрания изданиями, вышедшими до 1811 года, но с количеством возросла также и трудность, как в содержании в порядке книг, так и в приготовлении чистым письмом карточек для составления каталогов, притом находится множество и других занятий по сей части, как вашему превосходительству небезизвестно. А как я нахожусь по русскому отделению один, то при всем усердии не могу выполнить всего, что требуется для содержания оного в совершенном порядке — тем более, что с беспрестанным получением новых книг и труд в исправлении службы возрастает. Почему и нахожу нужным представить вашему превосходительству дабы благоволено было в помощь мне определить писца — и нашел, что для сего может быть способен губернский секретарь Быстров, который желает определиться для таковой должности в императорскую Публичную библиотеку, что и представляю на благоусмотрение вашего превосходительства»[1].

15 марта 1829 года Быстров поступил в Русское отделение на должность писца.

С 21 июля по октябрь 1826 года Крылов состоял членом временного комитета по управлению Публичной биб-

---

[1] Архив ПБ, 1829, № 9.

лиотекой, который был создан на время отъезда А. Н. Оленина в Москву[1].

Такова внешняя сторона службы Крылова в Библиотеке.

Главнейшей задачей Публичной библиотеки в первой четверти XIX века было создание русского фонда.

Эта работа велась Крыловым в двух направлениях. Он следит за поступлением обязательного экземпляра в Библиотеку. 10 октября 1811 года Александр I утвердил составленное А. Н. Олениным «Положение» об управлении императорской Публичной библиотекой. «Положение» предусматривало обязательную присылку в Библиотеку всеми издателями двух экземпляров всех печатных изданий. Таким образом, создавалась база пополнения текущей печатной продукцией фондов Библиотеки. На практике это «Положение», имевшее силу закона, осуществлялось с большими перебоями. И частные издатели и еще в большей мере казенные типографии и учреждения зачастую нарушали этот закон, а отсутствие достаточного контроля за пересылкой всех изданий в Библиотеку, которые шли через цензурные комитеты, покрывало все нарушения.

Крылов с первых дней начал борьбу за аккуратное и полное поступление всех печатных изданий в создающееся русское отделение. Он следил за книгами, поступающими в продажу, объявления и отзывы о которых печатались в газетах и журналах; следил за книгоиздательскими каталогами и сличал их с поступающими к нему изданиями. Это была малозаметная для окружающих, кропотливая ежедневная и с каждым годом увеличивающаяся в объеме работа. О ней свидетельствуют документы: рапорты и донесения Крылова А. Н. Оленину, в которых он сообщает о недосылке тех или иных изданий и просит затребовать их. Так, например, в бумагах, относящихся к отчету Библиотеки за 1814 год, мы нашли следующую запись А. Н. Оленина: «По представлениям, дошедшим ко мне от разных чиновников ее [Библиотеки. — С. Б.] о

---

[1] Архив ПБ 1826, № 14, док. 4-5; 1825, № 478, док. 15 и 154.

том, что некоторые места и лица не доставили еще в оную по два экземпляра изданных ими книг, я обратился к кому следовало с требованием исполнения 16 параграфа высочайше утвержденного Положения об управлении Библиотекой...»[1].

Представления, о которых идет здесь речь, могли, в первую очередь, поступить от Крылова и Сопикова из русского отделения, так как большинство изданий получали они.

В 1813 году 31 октября Библиотека ходатайствует перед С.-Петербургским цензурным комитетом о принятии на будущее время мер, «чтобы от типографщиков и издателей вновь выходящие книги, ни одно издание не было принимаемо для имп. Публичной библиотеки без принадлежащих к оному фигур, портретов и ландкарт, как до сего принимались...»[2].

Сохранились отношения, отправленные из Библиотеки на основании рапортов служащих Библиотеки, в Московский, Казанский университеты, в Депо карт, в военное ведомство и другие места с требованием дослать недоставленные издания.

20 февраля 1813 года Оленин писал, например, И. Ф. Крузенштерну:

«В № 15 «Сев. почты» сего года объявлено о напечатании третьей части совершенного вами вокруг света путешествия. По поводу сего объявления, равно и по неимению в импер. Публичной библиотеке первых двух частей сей книги, напечатанных прежде, я долгом считаю... обратиться к вам с почтительною просьбою о дополнении хранящихся в сем заведении русских путешествий, изданным вами на разных языках описанием знаменитого путешествия вашего...»[3].

Крузенштерн прислал запрошенные книги и 29 марта 1814 года Крылов, дежуря в читальном зале, выдавал все 3 части Путешествия Крузенштерна читателю[4].

---

1 Архив ПБ. Бумаги к отчету за 1814 г., л. 8 об.
2 Архив ПБ, 1813, к делу № 5 по канцелярии, л. 11-11 об.
3 Архив ПБ, 1813, к делу № 5 по канцелярии, л. 21-21 об.
4 Архив ПБ, 1814, Дело дежурств, л. 16.

Сохранилось несколько донесений Крылова более позднего времени о недоставленных в Библиотеку книгах.

В рапорте Крылова от июля 1831 года сказано, что «выправка книг из разных библиографических известий за прошедший 1830 и частию за 1829 годы по вверенному мне русскому отделению учинена. Каких же именно из находящихся в продаже книг, из цензурных комитетов и других мест в Русском отделении императорской Публичной библиотеки по сие время не получено, то подробно значится в прилагаемом при сем реестре»[1].

4 ноября 1831 года Крылов сообщает директору Библиотеки «список книгам с давнего времени ежегодно издающимся в С.-Петербургских и Московских Правительствующего сената департаментах и при Департаменте внешней торговли, но которые в императорскую Публичную библиотеку от сих мест вовсе не доставляются; между тем, посетители Библиотеки нередко обращаются с требованиями означенных книг для нужных им справок и соображений»[2]. К отношению был приложен список пяти недоставленных книг.

20 ноября А. Н. Оленин ответил Крылову, что по его представлению он «относился к г. директору департамента внешней торговли о сделании распоряжения и доставлению в императорскую Публичную Библиотеку напечатанных, но не полученных его изданий». Далее сообщается, что «департамент внешней торговли при отношении от 17 сего ноября за № 19490 прислал в Библиотеку по одному экземпляру семь изданий, а именно: 1. С.-Петербургский прейс-курант за 1830 и 1831 годы. 2. Разные сведения о российской внешней торговле. 3. Дополнительные статьи к таможенному уставу. 4. Применение и объяснение товаров непоименованных. 5. Известие о браковщиках и инструкции о браковании российских товаров, с французским и немецким переводом. 6. Положение о мак-

---

1 Архив ПБ, 1831, № 3, док. 19-20. (Крылов И. А. Сочинения. Т. III. М., 1946, стр. 377).

2 Архив ПБ, 1831, № 3, док. 35 (Крылов И. А. Сочинения. Т. III. М., 1946, стр. 377).

лерах, с немецким переводом и 7. Положение о дрягелях»[1].

В феврале 1835 года Крылов сообщает Оленину список книг «в Библиотеку недоставленных»[2], опять-таки с той же целью, чтобы получить их и не отказывать в них читателям.

В этом списке мы видим 16 книг, в числе которых: «Евгений Онегин» и «Полтава», «Краткие записки» А. С. Шишкова, «Журнал министерства народного просвещения» за 1834 год и другие.

Другой путь пополнения фондов Библиотеки, главным образом старой книгой XVIII и начала XIX века, — это приобретение ее у книгопродавцев и владельцев частных собраний. Крылов по своим связям с издательскими кругами в этом отношении имел большие возможности. Но по смете Библиотеки на покупку книг не отпускалось ни копейки. Александр I подписал «Положение», вводящее с октября 1811 года обязательный экземпляр, но не считал возможным выделять средства на приобретение книг, вышедших до октября 1811 года. Перед Библиотекой возникла задача изыскать суммы на покупку старых книг. И здесь А. Н. Оленин, зная Крылова как человека, знакомого с книгопродавцами и их нравами, вводит его 24 апреля 1817 года в члены создаваемого временного комитета по сдаче торговых помещений Библиотеки в аренду и по руководству различными хозяйственными делами. В работах этого, названного затем «домашним хозяйственным комитетом», органа Крылов участвует вплоть до марта 1841 года — последних дней службы в Библиотеке. Сейчас нас интересует одна сторона деятельности комитета — изыскание средств на покупку книг. Необходимые суммы — и не малые — были получены от сдачи в аренду книготорговцам имеющихся у Библиотеки шести торговых помещений — в первом этаже дома № 20 по Садовой улице.

---

[1] Архив ПБ, 1831, № 3, док. 46.

[2] Архив ПБ, 1835, № 4. (Крылов И. А. Сочинения. Т. III. М., 1946, стр. 379).

Первые торги проводились в декабре 1817 года. Помещения были сданы в аренду на 4 года за 36.000 рублей. Об этом свидетельствует рапорт Крылова, Василевского и Красовского от 21 декабря 1817 года[1].

В дальнейшем такие торги устраивались каждое четырехлетие и Библиотека получала значительные суммы, расходуемые на приобретение книг, отсутствующих в Библиотеке.

В архиве Библиотеки хранятся документы, подписанные Крыловым и касающиеся покупки книг у отдельных лиц и получения их в русское отделение.

В 1819 году Крылов рассмотрел реестр книг, предложенных Библиотеке А. Ф. Похорским.

К сожалению, в архиве Публичной библиотеки этот реестр не сохранился, а имеется лишь сопроводительное к нему письмо Похорского от 9 марта, предлагающее продать 784 книги за 3.000 руб. вместо номинала 4.070 р. 70 к. Оленин на письме написал резолюцию: «Отдайте сие письмо г-ну библиотекарю Крылову с тем, чтобы он письменно отозвался все-ли сии сочинения имеются в Библиотеке». Кроме письма Похорского в деле имеется заключение Крылова по предложению Похорского.

В этом заключении говорится: «Замечания о ценах русских книг, предлагаемых г. Похорским императорской Публичной библиотеке.

Продавец сих книг просит три тысячи рублей за 784 звания. Поэтому каждое звание будет в сложности стоить около 4-х рублей.

Но в 784-х званиях находится:

а) книг, из которых каждая по последним печатным каталогам продается менее 1-го рубля и от 1-го рубля менее 2-х рублей 186 званий,

б) книг, из которых каждая по последнием ценам книгопродавцев стоит от 2-х рублей и менее 3-х—165 званий,

в) книг, из которых каждая продается в книжных лавках от 3-х и до 3-х 50 коп. — 159 званий.

---

[1] Архив ПБ, 1817, № 12, док. 11, 16.

Общее же число книг, которые в сложности цен предлагаются Библиотеке, дороже нынешних цен книгопродавцев восходит до 510 званий.

За исключением сих книг из 784 званий остальные 274 зв. отдаются Библиотеке уже по ценам книгопродавцев, а некоторые (около 50 званий) и ниже сих цен, т. е. действительно с выгодою для Библиотеки.

О достоинстве содержания продаваемых г. Похорским книг здесь никаких не делается замечаний потому, что отделение российских книг в императорской Публичной библиотеке, будучи не достаточно книгами почти по каждой части требует дополнения сих недостатков без разбора содержания книг и разных изданий оных.

Наконец, должно заметить, что главная выгода для Библиотеки от покупки сих книг есть та, что оные будут доставлены в переплете, на который в противном случае понадобилось бы употребить несколько сотен рублей»[1].

14 марта указанные книги были приобретены Библиотекой за 3 000 р. «по одобрению, сделанному... об оных библиотекарем... Крыловым»[2].

В сентябре 1819 года Крылов рассмотрел каталог книг, жертвуемых петербургским купцом Сергеем Зимняковым, и отметил книги, отсутствующие в Публичной библиотеке, книги, которые могут быть использованы в других департаментах народного просвещения, и книги, не представляющие для них ценности[3].

В конце октября 1820 года Крылов принимает в русское отделение книги из библиотеки умершего гр. С. К. Вязмитинова[4].

В апреле 1821 года Крылов рассматривает реестр книг, предложенных Библиотеке книгопродавцем М. Глазуновым, и делает на реестре следующее заключение: «Означенных в сем реестре книг в Библиотеке не имеется

---

[1] Архив ПБ, 1819, № 4, док. 9.
[2] Архив ПБ, 1819, № 4, док. 10.
[3] Архив ПБ, 1821, № 6, док. 3.
[4] Архив ПБ, Предписания директора за 1820 г., дело № 318.

и приобретение оных было бы полезным оной приумножением»[1].

30 ноября 1827 года Крылов пишет рапорт, в котором указывает:

«Полагая нужным приумножение недостающих книг по русской части в императорской Публичной библиотеке, вышедших из печати прежде 1811 года и, пользуясь выгодным для сего случаем, представившимся ныне — имею честь донести вашему превосходительству, что С.-Петербургский книгопродавец Александр Смирдин по приложенным при сем 3-м реестрам представил в Библиотеку различных званий книги по ценам в каталогах его означенным на 12 449 руб. 40 коп. и, скидывая с сей суммы 7 152 р. 20 коп., уступает оные книги за 5 297 руб. 20 коп., сверх сего представил он для покупки газеты с.-петербургские и московские с 1728-го по 1800 год различных годов, 41 год по 5 р. за том в переплете и притом из усердия выменивает около 500 разнопереплетенных книг, поступивших в Библиотеку с 1811 года, на книги тех же званий в одинаковом, лучшем, а многие даже в богатом переплете без всякой платы. Все сие находя весьма выгодным для пользы императорской Публичной библиотеки имею честь представить на благоусмотрение вашего превосходительства»[2].

Крылову было разрешено купить у Смирдина все предлагаемые им книги и газеты и 17 декабря Крылов мог написать: «Принял я от книгопродавца Александра Смирдина 1) означенные по прилагаемым при сем 3-м реестрам книги всего 1 849 названий, находящиеся в 2 285 томах, 2) 41 год с.-петербургских и московских ведомостей и 3) выменено 472 тома разнопереплетенных книг, находящихся в Библиотеке, на книги тех же званий в одинаковых переплетах»[3].

---

[1] Архив ПБ, 1821, № 3, док. 9.

[2] Архив ПБ, 1827, № 8, док. 19. (Крылов И. А. Сочинения. Т. III. М., 1946, стр. 368-369).

[3] Архив ПБ, 1827, № 8, док. 21. (Крылов И. А. Сочинения. Т. III. М., 1946, стр. 369).

В числе приобретенных изданий были книги по географии, математике, астрономии, военному делу, медицине, истории, сельскому хозяйству и домоводству, художественная литература, книги по отдельным отраслям технических знаний и проч.

Во второй половине марта 1828 года Крылов производит приемку книг, пожертвованных Библиотеке купцом Косицким, знакомится с книгами и устанавливает их ценность по содержанию и состоянию. В результате этой работы Крылов пишет Оленину 31 марта:

«В исполнение предписания вашего превосходительства от 17-го сего марта о принятии от купца Косицкого пожертвованных им в пользу императорской Публичной библиотеки книг и о том, чтобы я изъяснил свое мнение касательно сего пожертвования, имею честь донести, что оные книги по препроводительному от вашего превосходительства реестру я принял и, хотя многие из них уже находятся в императорской Публичной библиотеке, но как по важности своей весьма нужно иметь их для употребления и в дублетах, то сие приобретение нахожу я полезным для Библиотеки, где часто случается несколько требователей на одну книгу. Что же касается до церковных книг старинной печати, то хоть многие из них без выходных листов, что и отмечено мною на реестре Косицкого, но по редкости своей они достойны всякого внимания и послужат к немалому обогащению Библиотеки по сей части. При этом же купец Косицкий предлагает заняться изысканием недостающих российских книг в Библиотеке и покупать их на свое иждивение для пожертвования современем безденежно в пользу императорской Публичной библиотеки. Представляя все сие на благоусмотрение вашего превосходительства, я с своей стороны нахожу, что как пожертвование, так и намерение Косицкого заслуживает всякое одобрение и поощрение со стороны начальства. При сем имею честь представить обратно реестр книгам Косицкого. Марта 31 дня 1828 года. Библиотекарь Иван Крылов».

К донесению был приложен реестр принятых книг на 20 листах, на которых Крылов расписался: «Книги по се-

му реестру принял библиотекарь, коллежский советник и кавалер Иван Крылов»[1].

В 1829 году Публичная библиотека приобрела у А. Ф. Смирдина, по предложению Крылова, новую партию ценнейших изданий, отсутствовавших в ее фондах. Об этом свидетельствуют два рапорта Крылова: от 18 февраля и 12 марта 1829 года. В первом он пишет:

«Санкт-петербургский книгопродавец Александр Смирдин по приложенному при сем реестру представил в императорскую Публичную библиотеку для покупки разного звания книг, вышедших из печати до 1811 года, ценою по 5 000 рублей; а так как оных книг в Библиотеке не находится, то я, полагая нужным таковое приумножение и находя очень выгодным для Библиотеки, — имею честь представить все сие на благоусмотрение вашего превосходительства».

Покупка книг была разрешена и во втором рапорте Крылов сообщает о том, что книги от Смирдина он принял, причем последний сделал скидку: всего было приобретено 955 книг за 2 500 р.[2]

Два рапорта Крылова и одна расписка, писанные им в конце 1830 года, относятся к большому событию в жизни Библиотеки: приобретение громадного ценнейшего собрания старопечатных книг и рукописей графа Ф. А. Толстого. Оно заключало в себе 377 книг, 1 300 рукописей и было куплено Библиотекой за 150 000 рублей.

Крылов участвовал в этом пополнении фонда в качестве лица, непосредственно принимавшего старопечатные книги, рукописи принимал А. Х. Востоков. При приемке книг обнаружилось отсутствие одной из них против каталога Ф. А. Толстого, а именно книги: «Собрание из книг божественных напечатано в Уневском монастыре в 1694 году».

В получении книг Крылов составил Ф. А. Толстому следующую собственноручную расписку: «Приготовлен-

---

[1] Архив ПБ, 1828, № 6, док. 13 и 18.

[2] Архив ПБ, 1829, № 5, док. 1-4. (Крылов И. А. Сочинения. Т. III. М., 1946, стр. 371; 372).

ные для императорской Публичной библиотеки от господина сенатора графа Федора Андреевича Толстого русские и славянские книги по печатному каталогу и двум прибавлениям, за исключением № сто восемьдесят третьего, коего на лицо не оказалось, принял библиотекарь коллежский советник и кавалер Иван Крылов. Июля 7 дня 1830 г.»[1]

Крылов был послан выбрать взамен недостающей другую книгу из оставшегося собрания Ф. А. Толстого. 23 июня 1830 года Крылов сообщил Оленину о результатах посещения Ф. А. Толстого:

«По рассмотрению каталога, представленного им (который, впрочем, состоит весьма из малого числа книг), увидел я, что ни одна из них ни редкостию, ни древностию печати, не может заменить книги им недоставленной; ибо все они или новейшей печати, или находятся в императорской Публичной библиотеке и поэтому не мог я ни одной принять в замену»[2].

Из письма Оленина к графу Ф. А. Толстому видно, что Крылов устно передал Оленину о том, что у Толстого имеется «не показанная в каталоге, печатанная в Венеции в 4-ю долю листа Катифорова История Петра Великого с гравированными изображениями»[3]. Эту книгу Крылов просил у Толстого взамен отсутствующей по каталогу, но Толстой отклонил эту просьбу.

Сам Ф. А. Толстой в письме к П. М. Строеву от 12-го июня 1830 года следующим образом описывает продажу своего собрания Библиотеке:

«Библиотека благополучно в Петербург привезена и с помощью моих антиквариев Ильина и Петрова была по комнатам, по каталогу в порядке расставлена; потом по предписанию г. Оленина господином Крыловым старопечатные, а господином Востоковым рукописи, по каталогу приняты и за исключением недостающих (пять рукописей и одна печатная книга) они мне дали квитанцию, которую я того же числа препроводил г. Оленину и от него уже по-

---

[1] Архив ПБ, 1830, № 15, док. 8-9.

[2] Архив ПБ, 1830, № 15, док. 21. (Крылов И. А. Сочинения. Т. III. М., 1946, стр. 376).

[3] Архив ПБ, 1830, № 15, док. 24.

лучил вчерась полную квитанцию. В недостающих шести книгах, я дал подписку, что и сии недостающие по возвращении твоем из вояжу, немедля доставлю; но однакож не уверен в исполнении моего обещания.

Из шести недостающих две находятся у Свиньина, а две я от него кое как выхлопотал и так остается недоимки на нас шесть книг, которым при сем препровождаю реестр: хорошо, когда б и они могли быть отысканы, тогда б мы были совершенно чисты. Я очень доволен, что библиотека наша в хороших руках и продана довольно хорошо, еще б лучше было, когда б деньги пришли в руки; но, к сожалению, ни одной копейки ко мне не дошло, а сделан перевод, за долги, в Опекунский совет, и стало по пословице, что по усу текло, а в рот не попало»[1].

Осенью 1838 года Крылов проверяет список книг, предложенных Библиотеке чиновником П. Я. Актовым, владельцем библиотеки старинных книг. Из 48 книг, изданных в период с начала XVII века по 1728 год, Крылов отметил на полях списка книги, включенные в «Опыт российской библиографии» В. С. Сопикова; подчеркнул прямой линией книги, имеющиеся в Библиотеке, и волнистой — книги, которые имеются в Библиотеке, но в других, более редких изданиях. Неподчеркнутые книги в Библиотеке отсутствовали. В результате переговоров 23 отсутствовавшие книги и были приобретены[2].

Выше приводились цифры, характеризующие рост фондов русского отделения в 1808—1843 годах с 4 до 30 000 книг. Кроме того, в Библиотеке имелось свыше 10 000 дублетных экземпляров.

Рассмотренные материалы позволяют судить о роли Крылова в создании этого фонда: он, со своими немногими помощниками, из которых особенно следует выделить В. С. Сопикова и И. П. Быстрова, создал русское отделение.

---

[1] Барсуков Николай. Жизнь и труды П. М. Строева. СПБ., 1878, стр. 141.

[2] Архив ПБ, 1838, № 6, док. 23, 25. (Крылов И. А. Сочинения. Т. III. М., 1946, стр. 380).

В 1829 году Публичная библиотека впервые провела страхование своих зданий и книг русского отделения. Участие И. А. Крылова в этом деле выразилось в определении ориентировочной стоимости русского фонда. В архиве Библиотеки сохранился рапорт Крылова от 18 февраля, в котором он пишет: «соображался я с каталогом Смирдина, как лучшим, новейшим и самым полным, а также с другими каталогами, равномерно и с библиографией Сопикова и нашел, что многих названий у них не находится, а другие (по каталогу Сопикова) по давности тиснения их становятся редки, а потому и цена их возвышается ежегодно; со всем тем, приближаясь сколько можно к вероятности я заключил, что российское отделение императорской Публичной библиотеки может быть оценено во 150 000 рублей»[1].

4 февраля 1830 года помощник директора Библиотеки С. С. Уваров запросил у Крылова его соображения о мерах, необходимых для создания каталога русским книгам с указанием их цен. Такой каталог в случае стихийного бедствия и гибели книг должен был бы служить официальным документом для расчетов со страховым обществом. Крылов ответил Уварову, что «многих книг в Смирдинском каталоге не находится, а в Сопиковском показана цена их, бывшая за 30 лет и прежде; и оная по малости своей с нынешними ценами совсем не сообразна, сверх того многих книг в обоих каталогах нет, и, следственно, нужно справляться и отыскивать их во множестве других каталогов, что и должно занять значительное время, а равно и справку по переплетной части о книгах с учреждения Библиотеки для выставления цен не возможно учинить в весьма коротком времени. Как-же скоро соберу я все надлежащие о том сведения, то немедленно приступлю к исполнению предписания вашего превосходительства»[2].

---

[1] Архив ПБ, 1829, № 32, док. 9. (Крылов И. А. Сочинения. Т. III. М., 1946, стр. 370).

[2] Архив ПБ, 1829, № 32, док. 49. (Крылов И. А. Сочинения. Т. III. М., 1946, стр. 374-375).

Роль Крылова, как заведующего русским отделением, конечно, не ограничивалась пополнением, учетом фондов и т. д. Вся совокупность работ по организации фонда также лежала на нем. Эта организация начиналась буквально с момента поступления книги в Библиотеку.

Приемка книг в отделение производилась лично Крыловым или его помощником. Это не была простая формальность. В архиве Библиотеки (почти за все годы работы в ней Крылова) сохранились книги поступлений с личными его расписками в приеме книг, производившемся несколько раз в месяц. А. Н. Оленин предлагал принимать книги «во всей исправности, весьма прилежно их при самом получении рассматривать и меня немедленно уведомлять, если замечены будут в оных как в переплетенных, так и без переплета недостающие листы, порча оных и тому подобные неисправности, соделывающие книги вовсе бесполезными к употреблению. В противном случае чиновник, в отделении коего найдутся книги с таковыми неисправностями, имеет за то отвечать перед начальством»[1].

Таким образом, приемка книг являлась одновременно и внешним ознакомлением с каждой из них. Один из пунктов «Положения» об управлении Публичной библиотекой требовал от библиотекарей ответственности за «целость книг и содержание их в порядке», и Крылову приходилось немало работать, чтобы установить и поддерживать этот порядок в русском отделении. В связи с производившимися ремонтными и строительными работами и расширением русского фонда, последний неоднократно переставлялся. Вначале, при недостатке помещения, книги стояли в шкафах в несколько рядов, затем их разместили в один ряд. В Библиотеку поступало много изданий без переплета, типа листовок, брошюр, различного мелкого материала. Крылов для удобства их хранения и использования придумал ставить эти мелкие издания в картонные футляры, сделанные в форме книг. Такие футляры применяются в Публичной библиотеке до сих пор. В архиве Библиотеки

[1] Архив ПБ. Предписания директора за 1816 г., дело № 161.

хранятся подписанные Крыловым заказы на такие футляры и расписки в получении их от переплетчиков.

Особенное внимание Крылов уделял читателям, внося в работу свои улучшения.

Прежде всего остановимся на каталогизационных работах Крылова.

Начиная с первых дней службы в Библиотеке и до конца 1820-х годов, Крылов лично каталогизировал поступающие книги, описывая их на карточках, сведения с которых переносились писцами в беловые каталоги-книги.

О каталогизационных занятиях И. А. Крылова в первые годы его работы в Библиотеке свидетельствует сохранившаяся тетрадь, написанная его рукой. Она находится в переплетенной рукописной книге вместе с другими библиографическими автографами и хранится в Рукописном отделе Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина (листы 13—37об. книги)[1].

На 25 листах тетради Крылов дал описание 240 книг, главным образом исторических и художественной литературы. Записи в тетради расположены в алфавите авторов и имеют следующий вид:

Л. 23	Кайсаров. Речь о любви к отечеству	1811	43^{6}

Л. 20	Жуковский. Певец в стане русских воинов	1813	16^{1}

Цифры последней графы означают место хранения книги в шкафу: число над чертой—указывает номер полки, а левое число — место на полке. Числа над чертой (от 1 до 9 включительно) соответствуют обычному числу полок в шкафах Публичной библиотеки, левые числа не превышают ста. Очевидно, эта тетрадь была своеобразной шкафной описью какого-то одного шкафа, вмещающего

[1] См. Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1866 г. М., 1898, стр. 54.

240 книг. Общее число русских книг Публичной библиотеки к этому времени достигло 2000 названий. Эта опись служила рабочим каталогом в русском отделении. Новаторская мысль Крылова проявилась уже в этой первой его библиотечной работе. Он, впервые в истории библиотечного дела, в 1813—1814 годах применяет систему шифровки книг с одновременным проставлением шифров в каталоге, связывая местонахождение книги с каталогом и на 40 лет предвосхищая осуществление этого мероприятия в масштабе всей Публичной библиотеки. Нам удалось установить это обстоятельство документально.

В фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина сохранились книги, которые описывал И. А. Крылов. Мы нашли обе книги, указанные выше в рабочем каталоге Крылова. На обложке первой из них — книге Кайсарова имеется наклейка, на которой рукой Крылова написано:

«Речь о любви к отечеству в Дерптском университете. 1811», а в правом верхнем углу обложки рукой Крылова поставлен тот же самый шифр, который стоит против названия книги в рабочем каталоге: 43^6 [1].

На обложке второй книги также имеется наклейка с надписью, сделанной Крыловым: Жуковский. — «Певец во стане русских воинов», а над ней цифра: 16, означающая место на первой полке. Цифра, означающая полку, опущена, так как полка 1-я.

В рабочем каталоге против описания этой книги стоит шифр: 16[2].

В каталоге (л. 23об.) отмечена книга: «Кутузов-Голенищев. Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов отечества. 1813. 6^6». В фондах Публичной библиотеки она также сохранилась. Это брошюра, вплетенная вместе с другими в особый том: [Голенищев-Кутузов Павел]. «Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного отечества». М., 1813. 8 с.[1] На ее титульном листе в правом верхнем углу рукой Крылова поставлен

---

[1] Кайсаров. Речь о любви к отечеству. 1811 г. Шифр Гос. Публичной б-ки: 18. 234. 1. 103.

[2] Шифр хранения в Библиотеке: 18. 145. 2. 212.

шифр каталога: 6[6]—. Им же под заглавием помечено: «Г. Кутузов, 1399», а внизу листа: «Кутузов Ф—I».

Соответствующие шифры обнаружены нами на брошюрах и листовках: [Деминский Як.] Песнь на ополчение россов против французов. [Спб., 1812]. 4. с. Шифр: 38[7]—[2]; [Добронравин И.] Цинтия или мысли при свете луны. Спб., 1813. 8 с. Шифр: 14[5]—[3]. Волков Александр. Ивану Афанасьевичу Дмитревскому Спб., 1812. 2 с. Шифр: 72[7]—[4]. Все эти брошюры отмечены этими же шифрами в каталоге. В фондах Гос. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина мы встречаем сотни старинных книг с аналогичными шифрами, написанными Крыловым. Это служит подтверждением нашего предположения о том, что дошедшая до нас тетрадь не была единственной. Крылов, очевидно, составлял аналогичные шкафные описи или рабочие каталоги и для других шкафов русского отделения и, может быть, не только в эти годы.

Наконец, здесь мы находим и первый случай применения им коллективного автора: под наименованием Московской духовной академии Крылов помещает шесть ее изданий. В дальнейшем в 1818-1819 годах он пойдет по этому пути, создавая систематический каталог всего русского фонда.

Применил Крылов в этом каталоге в небольших размерах и систему ссылок, связав имена авторов с их фамилиями, например:

Л. 22. об.	Иоанн (см. Державин) Слово о должности воина	

Л. 18	Державин Иоанн. Слово о должности воина—обер-свящ.	1812/24[9]

[1] Шифр хранения в Библиотеке: 18. 153. 2. 26.
[2] То же: 18. 153. 2. 31.
[3] То же: 18. 153. 2. 42.
[4] То же. 18. 153. 2. 15.

В «Положении об Управлении Библиотекой» был пункт, обязывающий библиотекарей создать и вести систематический каталог. Крылов одновременно с описанием дублетов описывал и основные экземпляры своего отделения для систематического каталога.

В конце 1812 года, когда вернулись книги, вывезенные Сопиковым, а также карточки, заготовленные для каталогов, Крылов с Сопиковым приводит в порядок эти карточки и продолжает их составление[1]. Об этой работе мы читаем в Отчете Библиотеки за 1814 год, где сказано, что Крылов продолжал заниматься «1) описыванием на особых карточках книг, приведенных в порядок.., т. е. предуготовительною работою к сочинению систематических каталогов и 2) описыванием на таких же карточках двойных и разрозненных книг, назначенных для продажи или вымена на недостающие в Библиотеке издания»[2].

В ноябре 1816 года в предписании Оленина по Библиотеке было указано: «Как для посетителей сего заведения, так и для самих чиновников библиотеки каталоги составляют необходимую надобность: ибо при помощи их много сокращается времени и трудов в приискании нужных книг...»[3]. И Оленин решает ускорить «не только сочинение, но и печатание каталогов».

Он добивается соответствующего приказа Министерства народного просвещения и хочет в кратчайший срок создать прежде всего систематический каталог Библиотеки, на основе заготовленных уже библиотекарями карточек и путем быстрейшего окончания каталогизации. 25 ноября Крылов вместе с другими библиотекарями расписывается в получении соответствующего предписания Оленина.

Почти полтора года идет завершение черновых каталогизационных работ и 17 мая 1818 года Оленин созывает всех служащих Библиотеки для обсуждения проекта со-

---

[1] Архив ПБ, 1817, № 5, док. 2.

[2] Отчет в управлении Императорской публичной библиотекою, представленный за 1814 г. Спб., 1814, стр. 31-32:

[3] Императорская публичная библиотека за сто лет. Спб., 1914. стр. 116.

ставления каталогов на все фонды[1]. На следующий день, 18 мая, Крылов, 15 других служащих и 10 почетных библиотекарей получили от А. Н. Оленина предложение представить к 24 мая в письменной форме свои соображения и проект составления каталогов Библиотеки и их форм. Для ориентировки Оленин поставил 11 вопросов, на которые следовало ответить в записке. Крылов разрабатывает свои ответы и предложения и 24 мая вручает их Оленину. Эта записка Крылова о каталогизации сохранилась и была опубликована в 1921 году[2].

Анализ «Записки» Крылова показывает, что он чрезвычайно серьезно подошел к разрешению поставленных вопросов.

Забота о читателе видна во всей «Записке», начиная с первых ее строк.

«По принятому порядку императорской Публичной библиотеки, — начинает он «Записку», — каждый требователь должен вписывать в особую, для сего назначенную, тетрадь заглавие требуемой книги. Он не относится лично к библиотекарю, которой бы в случае неясного или не точного названия книги мог у нево переспросить или пособить его памяти и потом удовлетворить его. Но напротив, требователь, записав свою книгу, приходит на другой день, и есть ли он не очень толковито или сбивчиво написал заглавие, то или ему отвечают, что книги нет (хотя она и находится), или он должен переписать тоже иначе и вновь дожидаться».

Перед создающимися каталогами Крылов поставил поэтому две задачи:

«Достоинство предпринимаемых ныне каталогов должно состоять, есть ли не ошибаюсь, в двух главных пунктах: 1-е, чтобы требующему книгу легко было приискать

---

[1] Архив ПБ. 1817, № 5, док. 11; Архив ПБ, Предписания директора на 1818 г., л. 59; 221.

[2] «Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», т. 23. кн. 2, 1918, с. 1-8. (Том вышел в 1921 г.) [О «Записке» см. Кузнецова Ю. А. «Из истории библиотечной техники (И. А. Крылов и каталоги)» — «Труды науч. б-ки при СГУ», вып. 1. Саратов, 1947, стр. 93-100].

ее в каталоге и занести свое требование так ясно, чтобы библиотекарь не мог затрудниться в уразумении его; 2-е достоинство состоит в том, чтобы библиотекарь в самой скорости мог сыскать книгу в шкапах, где она находится и чтобы сия удобность приискивания не столько зависела от опытности или долговременной службы библиотекаря, сколько от хорошего способа придуманного для приискания книги в каталогах, так и в шкапах, — которою бы даже совершенно вновь поступивший чиновник мог пользоваться».

Крылов, в соответствии с этими двумя задачами, предложил и разрешение вопроса.

По его мнению, в Библиотеке систематический каталог должен быть основным, с делением лишь на главные рубрики Оленинской классификационной схемы, «ибо чем больше подразделений, тем более встретится таких книг, которые могут равно быть занесены в тот или иной разряд и в которых мнения самих библиотекарей будут несогласны, где им находиться»... «Чем главнее подразделение, тем они будут определительнее и яснее и в приискании оных». Внутри отделов систематического каталога материал должен располагаться в алфавите заглавий книг, т. к. читатели чаще всего помнят и требуют книги по их названию, а не по авторам. Поэтому библиотекарь быстрее найдет в каталоге книгу по заглавию.

Алфавитный авторский каталог, по мнению Крылова, нужен, но как особый, «для желающих иметь полные сочинения авторов, рассеянных по разным отделениям» (с. 3).

Каталог книг по форматам Крылов отверг, как ненужный: «Разделение по форматам необходимо нужно для внутреннего порядка к размещению книг, но составлять каталоги по форматам был бы труд бесконечный. Сие уже собственно принадлежит каждому библиотекарю особо по своей части и на каталог никакого влияния иметь не должно» (с. 4)

Крылов предложил следующую форму для систематического каталога:

№ 6. 25. Маія 1814.

34

Въ Императорскую Публичную Библіотеку

отъ служащаго въ оной Библіотекарѣ
Коллежскаго асессора Крылова

Въ слѣдствіе предписанія его превосходительства
директора оной Библіотеки имѣю честь представить
при семъ мое мнѣніе составленное, и образецъ ката-
лога Императорской публичной Библіотеки.

Библіотекарь Иванъ Крыловъ

Маія 2 дня
1818. году

Отношение И. А. Крылова к директору библиотеки А. Н. Оленину, при «Записи» о каталогизации. Автограф

№	Год	Где напечатана	Название книг	Формат	Число томов	В колич. переплет.

«Особые примечательности» (гравюры, карты в книгах, особенности издания, переплета и т. п.) Крылов рекомендовал выносить в примечания.

Крылов заботился о быстрой подаче книг читателю. В «Записке» он предлагает усовершенствование, о котором пишет: «Опыт сего порядка завел я по русской части, хотя она по малочисленности книг еще и не имеет в нем большой необходимости». Усовершенствование это—нумерационная тетрадь. «Теперь приступаю, — пишет Крылов, — к последнему и к весьма немаловажному предмету, то есть к удобнейшему приисканию книг, и хотя оно, как часть внутреннего устройства и не относилось бы к составлению каталогов, но однако же имеет на формы их необходимое и непосредственное влияние».

Далее Крылов определяет тот желательный порядок работы в Библиотеке, при котором:

«1-е чтобы требователь просил только тех книг, которые именно находятся в Библиотеке, и не затруднял бы требованиями наобум чиновников в приискании того, чего нет. 2-е чтобы библиотекарь ясно видел, как бы ни малозначуща и ни мелка была книга требуемая, что она точно есть в Библиотеке и что он не может иначе как по нерадивости, или недостатку памяти в ней отказать. И тогда Библиотека не будет подвержена несправедливым упрекам, что отказывает в тех книгах, которые по мнению посетителей неотменно должны находиться, и библиотекари, не доверяя своей памяти, не будут отыскивать книг, которых в Библиотеке не находится».

Практически Крылов предлагал завести «нумерационную тетрадь», своеобразный инвентарь или топографический каталог, который уже применялся в русском отделе-

нии. Суть этого усовершенствования сводилась к следующему: при составлении каталога каждая каталожная карточка получала свой порядковый номер в пределах данной языковой группы, а на обороте карточки предлагалось «выставить, где именно находится та книга» — дать номер зала, шкафа и полки. С таких карточек сведения должны были заноситься с лицевой стороны в книгу — каталог по указанной выше форме, а сведения с оборота — в «нумерационную тетрадь» по следующей форме:

№ карточки	Комната	Шкаф	№ книжки на полке

Читатель, отыскав нужную ему книгу в каталоге, заказывает ее, написав, кроме названия, и порядковый номер, под которым библиотекарь находит книгу в нумерационной тетради и узнает ее местонахождение — зал, шкаф, полку, место на полке — и выдает читателю.

Крылов предлагал ввести «нумерационную тетрадь» во всех отделениях Библиотеки:

...«Чем обширнее часть, тем нахожу я нужнейшими таковые пособия для библиотекаря. Ибо может случиться такое количество книг, что никакая память не будет достаточна их в себе удержать, а особливо в том случае, чтобы знать, находится ли подлинно такое-то мелкое творение в Библиотеке, между тем как требователь, выставя номер, не только уверяет, что она находится, — но и где именно».

Предлагая свое усовершенствование, Крылов указывал путь, по которому в дальнейшем пошла каталогизация книг в Публичной библиотеке, когда в 40-е годы в Библиотеке связали шифром расстановку книг и каталог, поместив шифр и на книге и на каталожной карточке.

Были ли осуществлены предложения и проект Крылова?

Оленину, в ответ на его предписание, от библиотекарей поступило 20 записок, значительно расходящихся между собою. Оленин изучил их и выработал окончательные правила (40 правил), которые были изданы в мае 1819 года.

Эта окончательная инструкция[1] впервые устанавливала описание книг под именем автора, если даже его не значилось и на титульном листе, но можно было установить при просмотре книги; требовала применения именительного падежа для авторских фамилий, вопреки распространенному приему описания в родительном падеже. «Правила» вводили единообразие в написании иностранных слов, вошедших в русский язык.

Из проекта Крылова и проектов других библиотекарей было принято положение о систематическом каталоге, который признавался основным в Библиотеке; он делился по языкам; дальнейшее разделение производилось по 18 главным отделам Оленинской системы.

Описание книг в каталоге имело следующий вид:

Формат	Название книг	Томы	Замечания
В8	Двигубский (И). Изображение животных Двигубского. Москва, в университетской тип., 1817 г.	1	
В8	Описание (Географическое и статистическое) Грузии и Кавказа . . . . С. Петербург при Академии наук, 1809 года	1	

Каталогизационные работы в Публичной библиотеке, начатые в 1812 г., закончились в декабре 1819 г. созданием 12 томов рукописного систематического каталога,

[1] Правила для составления каталогов имп. Публичной библиотеки по азбучному порядку. Майя... дня 1819 г. Спб., тип. имп. театров, 1819. 15 стр.

из них два тома (переписанные начисто писцом Масоновым), заключали книги русского отделения (4 636 названий)[1]. Остальные 21 том каталога были закончены в 1828 году. Направляя 27 декабря 1819 года в Министерство народного просвещения 12 томов каталога и сведения об участниках их составления, Оленин писал: «составлением русского каталога заняты были: г. библиотекарь Крылов и его два помощника: покойный губернский секретарь Сопиков и заступивший его место титулярный советник Загоскин»[2].

В 1820 — 1826 годах Крылов продолжал каталогизировать текущие поступления, заполняя черновые карточки и систематизируя их[3]. 28 марта 1821 года по ходатайству Крылова «для переписки каталогов и других бумаг» в русское отделение был назначен писец Е. Гампельн[4]. В архиве Библиотеки сохранились справки, написанные и выдаваемые Крыловым Е. Гампельну и другим писцам о выполненной ими переписной работе[5].

Роль Крылова в создании двух томов каталога русского фонда не ограничивалась составлением черновых карточек для переписчика. Крылов их систематизировал и редактировал работу переписчика. В каталоге мы находим ряд исправлений в систематизации материала, сделанных рукой Крылова. В спешке работы несколько книг было неправильно отнесено им к разделам оленинской системы, что он и исправил уже в чистовом экземпляре каталога.

Каталог русского отделения, созданный Крыловым и его помощниками, важен для нас как документ, показывающий состав русского фонда Библиотеки в те годы, как список обязательного экземпляра, полученного Библиотекой в 1812—1818 годах. Одновременно он является и свидетельством большой работы, проделанной Крыловым для Библиотеки.

---

[1] Отдел рукописей ПБ, шифр F. XVIII, 11/1-2.
[2] Архив ПБ, 1819, № 27, док. 25.
[3] Архив ПБ, 1826, № 12, док. 2.
[4] Архив ПБ, 1821, № 23, док. 4.
[5] Там же, 1823, № 412, док. 2, 4, 6, 8.

Как указывалось выше, этот систематический каталог не предназначался для читателей. Он был впоследствии передан в отдел рукописей Библиотеки и прекрасно сохранился до наших дней.

Для непосредственной работы в отделении у Крылова имелся другой каталог: «Каталог Российским книгам в императорской Публичной библиотеке находящимся»[1]. Он был закончен Крыловым и Сопиковым тремя годами ранее систематического, так как самый поздний год издания включенных в него книг—1816, главная же масса их относится к 1811-1814 годам. Частично каталог включал книги XVIII и начала XIX и даже XVII века. Он представлял собой алфавитный перечень названий книг, с применением инверсии: на первое место выносилось существенное слово заглавия. Автор указывался в конце записи. Полное описание книги имело следующий вид:

Когда печа-таны	Заглавие и автор	Где печа-таны	Формат	Число частей
1813	Азбука (Российская новейшая) А. Решетникова	Моск.	8	1

Объем этого рабочего каталога, носящего явные следы постоянного пользования — 90 листов. На полях листов сохранились многочисленные карандашные и чернильные пометы, сделанные Крыловым, Сопиковым и переписчиком каталога. Карандашные пометы (крестики и звездочки) на левых полях листов означали отметки при проверке фонда. Против некоторых из книг имеются чернильные пометы: «нет».

Чернильные цифровые пометы на правых полях листов сделаны в большинстве рукой Крылова и означали местонахождение книги. Они имеют следующий вид:

[1] Отдел рукописей ПБ, Шифр F. XVIII, 14

7 № 14, 2 № 37; 4 № 20, то есть полка 7, книга на полке 14 и т. д. Кроме того, имеются чернильные пометы другого типа, сделанные рукой переписчика: св. 10. к. 23; св. 13 № 2; св. 10 к. 9.

Они тоже несомненно означают условное обозначение местонахождения книги.

Возникает вопрос: почему же не у всех книг стоят эти шифры? Повидимому, они ставились против тех книг, которые доставались с полок по требованию читателей. Если это так, то возможно было бы установить интереснейшие данные о круге чтения посетителей русского отделения Публичной библиотеки в тот период.

В тексте каталога мы нашли пять исправлений, внесенные Крыловым в ошибочные записи переписчика[1].

К сожалению, не сохранилось «нумерационной тетради», применявшейся Крыловым в русском отделении, так же как и карточного каталога, которым пользовались читатели.

Составляя систематический каталог книг русского отделения, Крылов не механически переписывал данные титульного листа, а искал путей наиболее рационального их описания, наиболее удобного для практической работы.

Крылов применил описание под коллективным автором (некоторых университетов и Академии наук), правда, не в полной мере и не во всех разделах каталога, но достаточно определенно, чтобы можно было поставить вопрос о передовой практике русских библиотекарей в этой области. В Западной Европе правила описания под коллективным автором были разработаны комиссией под руководством Антонио Паницци — библиотекаря Британского музея — лишь в конце 30-х годов XIX века и опубликованы в 1841 году.

Крылов собрал, например, в каталоге под словом Академия наук: Ежемесячные сочинения Академии наук (1755-1765); Новые ежемесячные сочинения (1786-1796); Краткое описание комментариев Академии наук. Часть на

---

[1] Каталог, л.л. 15, 18 об., 24 об., 67.

1726 год; Умозрительные исследования Академии наук[1].

Деятельность Крылова в области каталогизации книг русского отделения Публичной библиотеки является немаловажным вкладом в дело организации и использования фондов только что открытого национального книгохранилища.

Одной из задач, поставленных перед библиотекарями в «Положении об управлении Публичной библиотекой», являлась выдача книг и справок читателям в читальном зале.

В архиве Публичной библиотеки сохранилось дело (к сожалению, единственное) дежурств в читальном зале в 1814 году. В нем мы находим записи о посетителях и выданных книгах, сделанные библиотекарями в дни дежурств, в том числе и Крыловым. Последний сделал в этом журнале 14 собственноручных записей, начиная с июня по декабрь. Таким образом выясняется, что Крылов, как и другие служащие, дежурил в среднем два раза в месяц. Согласно «Положению об Управлении библиотекой», дежурящий библиотекарь являлся лицом ответственным за состояние всей Библиотеки в течение суток. Такие дежурства Крылов нес до 1830-х годов. Приведем одну из записей Крылова в журнале дежурств. 29 октября 1814 года в журнале им было записано: «Дежурный Крылов». В графе выдачи билетов вновь записывающимся читателям: «Губернскому регистратору Ежицкому. Капитану 2-го ранга Повиликину». В графе выдачи книг: «Виргилиева Энеида. Конституция польская 1775 года: Reise von Krusenstern, 1, 2, 3»[2].

Единичные записи в графе выдачи книг заставляют относить их только ко вновь выдаваемым из фонда книгам. Книги, хранящиеся для читателей и выдаваемые для чтения не из фонда, а из шкафа хранения в зале, очевидно, не регистрировались в журнале.

Единообразный порядок выдачи книг читателям был установлен в сентябре 1814 года. Дежурным библиотекарям предлагалось: «1) проверять ежедневно с составлен-

---

[1] Отдел рукописей ПБ. Шифр F. XVIII, 11/2, л. 587-587об.
[2] Архив ПБ, 1814, журн. дежурств. л. 16.

ным в русской библиотеке особым реестром все выданные из оной посетителям славянские и русские книги, подобно тому, как сие делается с иностранными книгами; 2) замечая неупустительно читателей русских книг, приходящих в Библиотеку, записывать номера их билетов в напечатанных для сего особенных листах и посещение каждого ежедневно означать на них одною буквою «б» и 3) выданные посетителям книги, остающиеся более недели без употребления, возвращать в библиотеку»[1].

Библиотека была открыта для читателей три раза в неделю: в среду, четверг и пятницу. Понедельник, вторник и суббота предназначались для каталогизации книг и других внутренних работ. В дневное время для чтения открывались два так называемых круглых зала: один во втором этаже (сейчас зал № 37) для иностранной книги и находящийся под ним зал в первом этаже (сейчас зал № 3 отдела рукописей Библиотеки) — для русской книги. В вечернее время (с 11 декабря 1814 года было введено освещение помещений до 8 ч. вечера кенкетами) выдача книг производилась в одном нижнем зале, куда приносились и книги на иностранных языках.

В журнале «Сын отечества» в 1814 году был опубликован без подписи «Перечень письма в Москву от 12 марта 1814 года»[2]. В. В. Каллаш, не зная об этой публикации, нашел в рукописном отделении Публичной библиотеки автограф этого письма и опубликовал его[3]. Это был автограф Крылова. Последний описывал в нем обстановку Публичной библиотеки в первые два месяца работы. За это время, как пишет Крылов, «взято для входу в библиотеку 261 билет — и более 200 книг находится ежедневно на столах у читателей». Летом 1815 года читальный зал первого этажа был переведен в соседний большой зал (сейчас зал № 4 Отдела рукописей).

В октябре 1815 года Крылов разработал проект новой

---

[1] Архив ПБ, 1813, № 3, док. 27.
[2] «Сын отечества», 1814, ч. 13, № 13, стр. 37-38.
[3] «Известия отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук», 1904, кн. 2, с. 286-287; испр. текст: Крылов И. А. Полное собрание сочинений. Т. III. Спб., 1905, стр. 418-420.

системы выдачи читателям книг и контроля за их возвращением в отделения. С 1 ноября 1816 года эта система была введена в действие. В предписании по Библиотеке от 26 октября указывалось, что «некоторые из посетителей Библиотеки по вытребовании книг для чтения, не являются более в Библиотеку, или, не дочитав таковых книг, оставляют их на долгое время в дежурном отделении, отчего происходит остановка в выдаче тех же книг другим требователям, без нужды накапливаются книги в дежурной комнате и затрудняется только ежедневная сдача их г. г. дежурным чиновникам». Чиновникам Библиотеки предлагалось следующее:

«1) При выдаче книг посетителям, просить их, чтобы они всякий раз при возвращении бывшей в руках их книги объявляли им неупустительно кончили ли они чтение или намерены продолжать оное, что для избежания излишних объяснений отныне будет делаться нижеозначенным простым способом.

2) Если чтение книги имеет продолжаться, то посетитель перед самою сдачею оной дежурному должен давать о сем знать только положением в читаемой книге из приготовленных в круглой зале на особом столе заметки, такой, на которой напечатано текущее число месяца.

3) Книги, возвращаемые посетителями г. дежурному без сих заметок, считать более ненужными читателям и отдавать их на следующий день в те отделения, из которых они поступили в чтение.

4) Книги, которые по остающимся в них заметкам не были читаны более двух недель, обращаются в отделения, из которых они были выданы.

5) Равно и те книги, которые в течение двух недель после вытребования их не будут вовсе читаемы, сдавать в отделения, из которых оные вытребованы в дежурную комнату.

6) Положенные читателями заметки г-да дежурные должны в каждый читальный день вынимать из книг при отдаче их посетителям, желающим продолжать чтение»[1].

---

[1] Архив ПБ. Предписания директора на 1815 г., док. 106.

Эта новая система выдачи книг была крупным шагом вперед в упорядочении работы библиотекарей. Элементы ее сохранились и до настоящего времени. Так, например, закладки в книги с датой выдачи мы применяем и сейчас, но только вкладываются они не читателями, а библиотекарями. Читатели же при пользовании книгой отмечают дату чтения на той же закладке. По истечении определенного срока книга возвращается в фонд и читатель обязан повторить требование, если она ему еще нужна.

Кроме комплектования фонда русского отделения составления каталогов и библиотечного обслуживания читателей (дежурства в читальном зале, выдача книг из отделения и прием их обратно), Крылов вел еще и библиографическую работу.

В 1812 году А. Н. Оленин особым предписанием поручил Крылову «по известным его успехам в российской словесности и по свойственному ему приятному слогу заняться составлением критических замечаний, которые должны входить в состав разборных каталогов, или разборных книжных росписей (Catalogues Raisonnes). В сих замечаниях (по части токмо исторической и словесных искусств, как значится в библиографической системе под отделениями витийство и поэзия) г-н Крылов должен будет иметь в виду следующие предметы:

1. Краткий критический разбор содержания книг.
2. Критический таковой же разбор слога.
3. Определение книг в число редких, полезных или изящных творений»[1].

Надо полагать, что это предписание Крылов выполнил, но до нас не дошли его «критические замечания», и мы лишены возможности оценить эту первую его библиографическую работу. Тем с большим интересом и вниманием мы должны подойти к его другой библиографической работе, дошедшей до нас.

13 мая 1821 года Оленин предложил всем «библиотекарям и помощникам их, которым поручено в управление разные отделения Библиотеки, в коих помещены печатные книги, принять на себя труд:

[1] Архив ПБ, 1812, № 8, док. 4.

1) При главных занятиях, состоящих в сочинении каталогов и в снабжении посетителей нужными им книгами и сведениями, составить каждому по своей части особенные реестры книг, которые библиографами признаются редкими или любопытными, в чем г. г. чиновники Библиотеки, сверх собственных их наблюдений и открытий, могут руководствоваться: а) находимыми в самих таковых книгах замечаниями о их редкости и особенном достоинстве, сделанными библиотекарями бывшей Залусской библиотеки и особенно г. библиотекарем Яноцким; б) известными библиографическими сочинениями Дебюра, Реноара, Пеньо и других.

2) По мере изготовления реестров редких книг (которых заглавия должны написаны быть сколько можно полнее) отдавать оные для переписки Гампельну и по переписке представлять мне за подписанием г. г. чиновников, занимавшихся составлением их.

3) Если по какому-либо отделению число редких книг будет весьма велико, то чиновник, заведывающий оным, должен разделить реестр таких книг на многие частные реестры, состоящие из 3-х до 6 листов письма, представляя их мне один реестр после другого»[1].

Работа Крылова, о которой пойдет речь ниже, и являлась, надо полагать, его ответом на предложение Оленина.

До 1941 года этот библиографический труд не был изучен, хотя еще в 1866 году о нем имелось указание в отчете Московской Публичной библиотеки и Румянцевского музея[2]. Он представляет собою тетради в лист, переплетенные в книгу. На корешке переплета тисненные золотом слова: «Алфавитный указатель, составленный Иваном Крыловым. СП». На обложке — четырехугольник из сафьяна с тисненным золотом заглавием: «Библиографические алфавитные указатели, составленные Иваном Андреевичем Крыловым, библиотекарем императорской Публичной библиотеки и писанные его рукою».

---

[1] Архив ПБ, 1821, № 20, док. 2.

[2] Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1866 г. М., 1898, стр. 54.

На первом листе помета: «входящ. № 859» и экслибрис Московского Публичного и Румянцевского музеев с тем же № 859. На обороте первого листа следующая запись, сделанная С. Д. Полторацким: «Эти указатели подарены Крыловым Ивану Павловичу Быстрову в марте 1829 года. Двадцать лет спустя, подарены мне Быстровым 3 марта 1849.

Они имеют двоякую цену: 1) как библиографический труд знаменитого баснописца, 2) как автограф.

Переплетены в Петербурге 6 марта 1849».

На листе 2-м запись И. П. Быстрова удостоверяет еще раз авторство И. А. Крылова. На верху листа рукой Крылова написано название первого отдела указателя: «Богословие», а в левом нижнем углу листа его же рукой поставлена дата начала работы над указателем: «1821 авг. 25».

На листе 49-м под названием отдела «Право гражданское» рукой И. П. Быстрова сделана запись, также удостоверяющая авторство Крылова: «Тетрадь, писанная собственною рукою Ивана Андреевича Крылова, библиотекаря императорской Публичной библиотеки». Листы 3—12 и 38—110-й заняты текстом указателя. Листы 13—37-й представляют собой тетрадь-опись книг одного из шкафов русского отделения. О ней говорилось уже выше. В указатель она попала ошибочно, очевидно, при переплете в 1849 году.

Когда Крылов работал над этим указателем?

Начало работы устанавливается датой, написанной им на 2-м листе: 25 августа 1821. Работа была окончена не позднее начала 1829 года, так как в марте 1829 года рукопись была подарена Крыловым И. П. Быстрову. Но время окончания работы может быть определено в более узких пределах: в первом отделе (Богословие) указаны книги, вышедшие по 1821 год, в последнем отделе (Стихотворство) — по 1822 год.

Книги, приведенные в остальных отделах, описаны в большинстве без указания года издания, но, судя по их наименованию и указанным годам издания, можно судить, что они вышли преимущественно в конце XVIII —

начале XIX века. Таким образом, с большей или меньшей степенью вероятности, можно считать, что Крылов работал над указателем в течение двух-трех лет. Понятны поэтому и слова Крылова, сказанные им Быстрову в 1829 году при передаче указателя, о работе над ним, как о давнопрошедшем времени: «Было усердие... да так и оставил...»

Указатель построен в систематическом порядке. Система расположения материала отличается от Оленинской системы 1808 года. В последней мы имеем 15 отделов, составляющих 3 группы: науки, искусства и философия. В указателе Крыловым все книги распределены по следующей системе:

Отделы «Указателя»

I. Богословие (590 книг)
II. Философия (333 книги)
III. Право гражданское (295 книг)
IV. Механические искусства (154 книги)
V. Физика и химия (55 книг)
VI. История естественная (88 книг)
VII. Красноречие (789 книг)
VIII. Стихотворство (1023 книги)

В указателе дано свыше 3 300 русских книг, вышедших в период с 1663 по 1822 год.

Совсем не представлены книги ряда отраслей знания (математика, медицина, критика, языкознание, история, собственно искусство — книги по изобразительному искусству, музыке и проч.). Нельзя себе представить, что Крылов преднамеренно не включил эти дисциплины в указатель. Отсутствие их может быть объяснено тем, что списки книг по этим отраслям знания почему-либо не дошли до нас, затерявшись у Быстрова или у самого Крылова в делах русского отделения.

Отдел «Словесные искусства» из Оленинской системы у Крылова заменен двумя: «Красноречие» — художественная проза и «Стихотворство» — поэзия. Здесь он следовал измененной системе, разработанной Олениным в 1819 году для систематического каталога Публичной библиотеки.

III. Филологія Языкознаніе.

	Названіе книгъ		Замѣчанія
	А		
1)	Азбука (Россійская) для дѣтей, изданіе 3е Москва, въ Университетской тип. 1817 года	1	
2)	—— (Новая Россійская), или букварь для обученія малолѣтнихъ дѣтей чтенію, С.Петербургъ, въ Императорской тип. 1815 года.	1	
3)	—— тоже, изданіе 2е въ тип. Воспитательнаго дома 1816 года.	1.	
4)	—— тоже, изданіе 3е С.Петербургъ, въ тип. Департамента Народнаго просвѣщенія 1818 года.	1.	
5)	—— новая Россійская или подарокъ для дѣтей, изданіе 6е Москва, въ типогр. Рѣшетникова 1817 года.	1.	
6)	—— (Россійская) для дѣтей, съ фигур. изданіе 1е Москва, въ Университетской тип. 1817 года.		
7)	—— (новѣйшая) Россійская, или букварь для обученія малолѣтнихъ дѣтей чтенію, С.Петербургъ, при Академіи Наукъ 1811 года.	1.	
8)	—— (новѣйшая, и полная Россійская), или драгоцѣнный подарокъ дѣтямъ, Москва, въ тип. Медикохирургической Академіи 1818 года.	1.	

250

Лист из каталога русских книг, составленного И. А. Крыловым, В. С. Сопиковым и М. Н. Загоскиным. (1819 г.).

Расположение материала внутри отделов и подотделов в основном выдержано во всем указателе. Это алфавитный ряд первых слов заглавия, существенных слов, вынесенных из заглавия и определяющих содержание книги, и, наконец, предметных слов. Автор, если он указан, помещается в конце описания.

Приведем соответствующие примеры.

В первую графу выносится первое слово заглавия:

Л.82	Письма	к другу. ГЛИНКА

Л.62 об.	Оглавление	трудов вольного экономич. общ.

Выносится существенное слово заглавия:

Л.47 об.	Человек	Философические речи о человеке. Вольтер

Л.39	Букварь	Опыт гражданского букваря

Л.61	Селитра	Лучшие способы добывать и очищать селитру. Севергин

Выносится предметное слово:

Л.42 об.	Китайцы	Китайские мысли Китайские поучения к народу Юн-джен Китаец. Депей.

Л. 60 об.	Охота	Наставление упражняющемуся в охоте. Книга для охотников.
Л. 64 об.	Электричество	Рассуждение о способах возбуждения электричества. Телепневъ Опыты. Адамс.

Предметизацию в указателе Крылов применил широко. Мы находим в нем, например, и такие рубрики, как Воспитание (л. 39 об.).

Под этим словом указаны 19 книг и дана одна ссылка к слову — Обучение.

Под словом — Философия (л. 47) указано 15 книг и даны 4 ссылки к словам: книжка, дух, Ифика, энциклопедия. Под словом — Законы (л. 51 об.) приведено 19 книг, и так далее.

Библиографическая запись, за исключением отдела «Стихотворство», везде упрощенная: сокращаются многословные названия, не указываются выходные данные, количество страниц.

Отдел «Стихотворство» отличается от других своим построением и полнотой библиографического описания. Он состоит из 27 подотделов:

1. Пиитики и словари
2. Критики и толкования по всем отделениям стихотворства
3. Мифология и баснословие
4. Поэмы
5. Повести и эпизоды
6. Басни, притчи и сказки
7. Оды, с начала по содержаниям, потом по авторам
8. Песенники и песни, таким же образом
9. Кантаты

10. Польские
11. Хоры
12. Гимны
13. Оратории
14. Стихотворения, имеющие названия по родам
15. Письма, послания, эпистолы
16. Сатиры
17. Стихотворения порознь и мелкие, не имеющие названий по родам
18. Собрания стихотворений

Театр

19. Трагедии
20. Комедии
21. Оперы
22. Драмы
23. Мелодрамы
24. Разные театральные представления
25. Собрания театральных сочинений
26. Балеты
27. Принадлежности к театру

Разработка этой схемы является немалой заслугой Крылова. Классификация художественной литературы до настоящего времени является делом трудным, и общепринятой схемы мы по существу не имеем. Тем более, в условиях начала XIX века, это дело требовало особенных знаний и опыта.

Сравнивая классификацию художественной литературы Крылова и классификацию, выработанную В. Г. Анастасевичем для «Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Плавильщикова» (Спб., 1820. 658 с.), — мы должны отметить преимущества Крыловской схемы. В ее основу положен жанровый признак, выдержанный почти полностью, тогда как Анастасевич применяет разделение и по жанровому признаку и по тематическому (выделены, например, стихотворения, относящиеся к 1812 году), выносит в два различные раздела сборники стихов (в разделы: «Собрание русских стихотворений» и «Смесь словесности»).

Стихотворения

1. Пиитики и Словари
2. Критики и толкования [illegible]
3. Мифология и [illegible]
4. Поэмы
5. Попытки и эпизоды
6. Басни притчи и сказки
7. Оды [illegible]
8. Песенники и [illegible]
9. Кантаты
10. Польские
11. Хоры
12. Гимны
13. Оратории
14. Стихотворения имеющия названия по родам.
15. Письма, послания и эпистолы
16. Сатиры
17. Стихотворения [illegible] по родам
18. Собрание Стихотворений

Театр.

19. трагедии
20. комедии
21. Оперы
22. Драмы
23. Мелодрамы
24. разныя театральныя представления
24. Собрание театральных сочинений
25. Балеты
26. [illegible] ко театру

Лист из «Алфавитного указателя» (1821—22 г.) Автограф И. А. Крылова

Три словаря, относящиеся к поэзии (Словарь драматический 1787 г.; Словарь древней и новой поэзии — Остолопова, 1821 г.; и Словарь пиитико-исторических примечаний — Аполлоса, 1781 г.), Крылов присоединяет к первому разделу своей схемы: «Пиитика», исходя из практической целесообразности, а Анастасевич формально все словари относит в раздел «Языкоучения».

Библиографические описания в разделе «Стихотворство» более полные, чем в других.

Крылов указывает: место и год издания, формат и количество томов. Запись имеет следующий вид:

Л. 92	Опыт	О русском стихосложении. Востоков 8⁰	П. 1817	I

Л. 93 об.	Руслан	и Людмила. Пушкин 8⁰	П. 1820	I

Если первое слово заглавия не является существительным, то последнее берется из заглавия и переносится в графу, а первое слово заглавия ставится в скобки.

Например:

Л. 92	Опыта	(Два) в словесности. 8⁰	П. 1816	I

•

Л. 92 об.	Басне	(О) и баснописцах. 8⁰	Хр. 1816	I

Инверсия применялась Крыловым с использованием уже имеющегося опыта в библиографическом труде В. С. Сопикова.

Но это правило не везде выдержано: при описании текстов художественных произведений в 1-ю графу иногда выносится и прилагательное.

Л. 93 об.	Освобожденная	Москва. Волков 8⁰	М. 1820	1

В подотделах отдела «Стихотворство» все словари поставлены на слово: Словарь (л. 93).

Все издания одной книги даны в хронологическом порядке под заглавием первого издания. В этом Крылов следовал Сопикову.

Для удобства нахождения нужного материала Крылов в двух подотделах применяет расположение материала не только по названиям, но и по алфавиту авторов («Оды» — л. 95—97 об; «Песенники и песни» — л. 97 об.—99); значительная часть подотдела «Басни» (л. 94 об.—95) также построена в алфавите имен авторов.

Разнообразие приемов и методов подачи материала в «Указателе» свидетельствует о поисках правильного пути. Крылов старался так составить свой указатель, чтобы и библиотекарь, и читатель могли быстро найти литературу по интересующему их вопросу.

Система ссылок, которой Крылов уделял большое внимание, подтверждает это особенно наглядно. В этом отношении Крылову несомненно помог опыт применения ссылок Сопиковым.

Во всем указателе мы насчитали около 300 ссылок. Крылов заботится о том, чтобы книги можно было найти не по одному признаку, а по нескольким. Например, на листе 64-м мы читаем две записи:

	Барометр	см. Вещун

	Вещун	или как предузнавать погоду по барометру

Читатель может найти книгу и на слово «вещун» и на слово «барометр».

Читаем:

Л. 46 об.	Учители	см. Руководство

Находим:

Л. 46	Руководство	Учителям 1-го и 2-го класса народных училищ

Читаем:

Л. 53 об.	Помещики и крестьяне	см. Условия

А на листе 56-м находим антикрепостническую книжку Стройновского (перевод Анастасевича):

	Условия	помещиков с крестьянами. Стройновский

Иногда Крыловым дается ссылочная запись от названия книги к предметной рубрике:

Л. 43 об.	Мать—наставница Ментор.	см. Детские книги

А найдя рубрику «Детские книги», читатель увидит в ней список 45 детских книг, хранящихся в Публичной библиотеке (см. л. 41-41 об.).

Некоторые книги читатель может искать в двух отделах, не зная к какому ее отнести. Крылов в таких случаях указывает их в том и другом отделах.

Так, в отделе «Физика и химия» мы находим запись:

Л. 64	Воздушные камни	Стойкович см. естеств. история

а в отделе «История естественная» ту же запись:

Л.67	Воздушные камни	Стойкович

С некоторыми элементами предметизации в русских библиографических указателях мы встречаемся еще в XVII веке в «Оглавлении книг, кто их сложил». Но до В. С. Сопикова это были случайные применения рубрик и ссылок. Сопиков в «Опыте российской библиографии» впервые использовал систему ссылок и рубрикацию как сознательный методический прием.

Крылов продолжает применять предметизацию материала, давая более подробные рубрики, чем Сопиков, используя в большей степени рубрики по содержанию, чем формальные.

В дальнейшем, во второй половине XIX века, появляются первые библиотечные каталоги, целиком построенные по предметному принципу.

Анализ книг, включенных в указатель, дает основание говорить об определенном отборе их, а в ряде случаев и о рекомендательном характере материала. В указатель включены были прежде всего книги редкие, представляющие, по мнению Крылова, историческую или художественную ценность. Кроме того, мы видим в указателе и другое: отбор книг наиболее ценных по содержанию. В разделе «Сатиры» (л. 100) мы находим лишь семь книг, отобранных Крыловым. Это «Сатиры Кантемира» (известное издание 1762 года), «Сатиры Горация» (1763 г.) и пять сатир Буало (1811—1822 гг.).

Интересен отбор собственных произведений, сделанный Крыловым. Из всех своих пьес он включает в «Указатель» лишь вторые издания комедий «Модная лавка» и «Урок дочкам». Из 7 отдельных изданий басен, вышедших до 1820 года, указаны 5. Крылов опустил первое издание 1809 года, а дал исправленное 1811 года, не включил «Новые басни», изданные в 1811 году, так как они вошли в показанное здесь издание 1815 года.

В отделе «Физика и химия» указаны главнейшие руко-

водства и учебные курсы по этим дисциплинам и книги по частным вопросам — электричеству; метеорологии; по прикладной химии — о плавлении руд; пробирному делу, селитренному производству и т. д. Богато представлены в указателе русские и иностранные писатели: Ломоносов, Державин, Гнедич, Жуковский, Хемницер и другие, Байрон, Вольтер, Сервантес, Тассо, Мильтон, Овидий, Теренций. Включена первая книга А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», в защиту которой выступил Крылов, написав эпиграмму на ее критиков. В разделе «Философия» Крылов поместил двухтомную «Историю философских систем» Галича, за которую последний подвергся ожесточенным преследованиям со стороны попечителя Петербургского учебного округа мракобеса Рунича. Тот назвал книгу Галича «тлетворным ядом» и требовал изгнания автора из Петербургского педагогического института за «безбожие и революционные замыслы». Галич не был, конечно, революционером, но он выражал в те годы протест против самодержавия, против мракобесия, насаждаемого Руничем. «История философских систем» Галича была признана книгой вредной.

В указателе (л. 39 об.) мы находим три книги, посвященные системе взаимного обучения. «Взаимное обучение. Краткая метода для первоначальной школы российских солдат, приспособленная равно и для детей». 1817 г.; Греч. «Руководство по взаимному обучению». 1819; Гамель. «Описание способа взаимного обучения по системе Белля, Ланкастера и других». 1820.

Это внимание Крылова к вопросам взаимного обучения было очень показательно для круга его интересов. Дело в том, что систему взаимного обучения в России стали усиленно вводить в конце 10-х годов XIX века члены Союза благоденствия. Они создали в январе 1819 года «Общество учреждения училищ по методе взаимного обучения», предполагая распространить по России сеть училищ для обучения народа грамоте и для пропаганды своих взглядов. Такие училища начали уже создаваться в Петербурге и на юге России. Общество сразу вызвало подозрение у правительства и после Семеновской истории 1820 года было закрыто.

И. А. Крылов в феврале 1819 года вступил в действительные члены этого Общества, сочувствуя его просветительным задачам[1].

Понятным становится поэтому и включение Крыловым книг о методе взаимного обучения в указатель.

В разделе «Комедии» Крылов указал в основном комедии последних лет, изданные в театральной типографии, в частности комедии А. А. Шаховского и М. Н. Загоскина, первую комедию А. С. Грибоедова «Молодые супруги». Из классических иностранных драматургов Крылов представил Мольера — «Мизантроп», последнее московское издание 1816 года в переводе Кокошкина; Шекспира — «Вот каково иметь корзинку и белье» (Виндзорские проказницы), Гольдони — «Памелла»; Аристофана — «Облака» в переводе Муравьева-Апостола; Шеридана — «Школа злословия». Из старинных русских комедий были включены: «Ябеда» — Капниста, «Опекун» — Сумарокова и другие.

В Архиве Гос. Публичной библиотеки им М. С. Салтыкова-Щедрина сохранились материалы и о других библиографических работах Крылова, которые велись им в конце 20-х и 30-х годов.

Так, в апреле 1829 года Оленин поручил Крылову составить список книг на русском языке, имеющихся в Библиотеке и «1) изданным для употребления в народных школах комиссиею об учреждении народных училищ, 2) принятым за руководство главным правлением училищ, равно и вновь составленным сим последним, 3) Сочинениям, изданным академиями и другими учеными обществами».

Кроме того, Крылов должен был дать сведения «4) О числе книг, напечатанных в России в разных типографиях прежде бывших и ныне существующих, сколько оно может быть нам известно. 5) О числе книг, прошедших цензуру со времени открытия цензурных комитетов, то есть напечатанных с дозволения оных с 1804 года...»

Эти сведения потребовались Министерству народного

---

[1] «Сын отечества», 1819, ч. 53, № 14, стр. 90; № 15, стр. 143.

просвещения, собиравшему различные статистические данные о состоянии просвещения в России.

Работа велась Крыловым и Быстровым, но, очевидно, затянулась. В развитие первого поручения Оленин 20 марта 1833 года дал новое, в котором Крылову поручалось выделить книги и планы, относящиеся к Петербургу, составить им список и представить директору для отсылки в Министерство внутренних дел, которое занялось составлением статистики Петербурга[1]. В течение двух дней Крылов и Быстров выполняют это поручение, и Крылов пишет Оленину: «Честь имею представить значущиеся в прилагаемом при сем реестре книги, имеющие предметом подробное или частное описание С. Петербурга. Что же касается до планов, то кроме двух новейших (в том числе один экземпляр, изданный при главном топографическом депо) других, изданных во времена ближайшие к основанию сей столицы, и потому любопытных по отношению к их редкости, — во вверенном мне отделении русских книг не имеется»[2].

К письму Крылова был приложен реестр, включающий 14 книг о Петербурге, вышедших с 1741 по 1826 год. Книги, посланные в Министерство внутренних дел, задержались там до 1836 года, и 7 августа 1836 года И. П. Быстров поставил перед Крыловым и Олениным вопрос с возвращении их в Библиотеку[3].

В архиве Библиотеки хранится рапорт Крылова Оленину от 20 августа 1836 года, в котором он сообщает, что «Исторического журнала» за 1812 год вовсе не издавалось» и что «в реестр книг, следующих к отсылке его превосходительству Александру Ивановичу Михайловскому-Данилевскому внесен в оный ошибкою»[4].

Как выяснилось при исследовании обстоятельств написания этого письма, Крылов и Быстров подготовили список исторических сочинений и журналов и подобрали по нему

---

[1] Архив ПБ, 1833, № 26, док. 6.

[2] Архив ПБ, 1833, № 26, док. 7-10. (Крылов И. А. Сочинения. Т. III. М., 1946, стр. 378).

[3] Отдел рукописей ПБ, Собрание автографов. Быстров, картон 3, л. 2-2 обл.

[4] Архив ПБ, 1836, № 35, док. 7.

книги для известного военного историка А. И. Михайловского-Данилевского, начавшего писать историю Отечественной войны 1812 года. Этот труд был закончен автором с использованием книжных богатств Публичной библиотеки и вышел из печати в 1839 году под заглавием: «Описание Отечественной войны 1812 года».

***

Все приведенные нами материалы являются ярким свидетельством того, что Крылов был любящим свое дело библиотекарем, принимавшим активное участие в создании нашего национального книгохранилища. Он собрал и организовал фонд русской книги; занимался библиографическим обслуживанием читателей, работал в области каталогизации книг.

Крылов журналист и издатель, книголюб и библиотекарь, скромный труженик русского просвещения, неотделим от Крылова — народного писателя-сатирика и, помня о славе его как великого баснописца, мы отдаем должное его многолетней просветительской деятельности, его заботам о развитии русской культуры.

Редактор Б. А. Мочалин

*

Адрес редакции:
Москва, Г-19, Кремлевская набережная, 1/9
Всесоюзная книжная палата

*

Технический редактор С. Н. Соловьев
Сдано в набор 9/VI 1955 г. Подписано
к печати 10/X 1955 г. А 04979 5,75 печ. л.
Уч.-изд. 4,41 л. Формат бумаги 60×92/16
Тираж 15.000 Цена 1 р. 75 к. Заказ 1643

Издательство Всесоюзной кн. палаты,
Москва, Г-19, Кремлевская наб., 1/9

*

19-я типография Главполиграфпрома,
Москва, Г-69, ул. Чайковского, 20

1 р. 75 к.